

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ЗЛАЯ РЕКА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

**Линкольн Чайлд
Дуглас Престон
Злая река**

**Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Пендергаст», книга 19**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66929423

*Злая река: роман / Дуглас Престон, Линкольн Чайлд: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2021
ISBN 978-5-389-20513-0*

Аннотация

На одном из курортных островков у побережья Флориды по пляжу бродят туристы в поисках красивых раковин. Но на этот раз море выносит на берег нечто ужасное: более сотни обрубков человеческих ног в одинаковых кроссовках. К расследованию спешно подключают специального агента ФБР Алоизия Пендергаста, и перед ним вырастает самая сложная и необъяснимая проблема в его карьере. Кто мог совершить такое жуткое и масштабное преступление? Где это произошло? Заключение патологоанатома только добавляет вопросов. Вскоре Пендергаст понимает, что кто-то из оперативной группы сливает информацию. Какие-то могущественные силы противодействуют ему, не давая добраться до истины...

Впервые на русском!

Содержание

1	6
2	14
3	24
4	37
5	49
6	59
7	67
8	78
9	91
10	100
11	105
12	111
13	120
14	127
15	136
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд Злая река

Douglas Preston and Lincoln Child
Crooked River

Copyright © 2020 by Splendide Mendax, Inc. and
Lincoln Child

© Г. А. Крылов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

*Линкольн Чайлд
посвящает эту книгу своим родителям, Биллу и
Нэнси*

*Дуглас Престон
посвящает эту книгу Стиву Элкинсу*

1

Уорд Персалл шел вдоль узкого берега по восхитительно прохладной полосе, на сверкающий песок которой накатывали и тут же отступали волны. Ему было всего семнадцать, и он остро осознавал, что мал ростом и худ для своих лет. День стоял безоблачный, прибой нес буруны из Мексиканского залива. Уорду нравилось, что его вьетнамки погружаются во влажную поверхность и он с каждым шагом отшвыривает пальцами ног небольшую порцию песка.

– Эй, Уорд! – окликнул его отец.

Юноша повернулся к нему: отец сидел в шезлонге в десяти футах от воды, в бейсболке «Нэшнлс» на голове и с пляжным полотенцем на ногах. Толстый зеленый блокнот фирмы «Бурум энд Риз», его всегдашний спутник, лежал открытым у него на коленях.

– Приглядывай за сестренкой, хорошо?

– Конечно.

Будто Уорд и так не делал это уже почти неделю. К тому же Аманда никуда не собиралась уходить. И уж точно не в океан. Она искала ракушки чуть дальше по берегу, то и дело наклоняясь и принимая позу, которая, как узнал Уорд, получила название по имени острова – «санибельская сутулость».

Юноша задержал взгляд на отце: тот целиком погрузился в свой блокнот, писал уравнения, или заметки, или еще что-

то – Уорд не знал что, потому что отец никогда не показывал. Он работал частным подрядчиком Министерства обороны в Ньюпорт-Ньюс и не упускал случая объяснить семье за ужином, что не имеет права рассказывать, как прошел его рабочий день и чем он занимался – чем-то совершенно секретным, – и это только увеличивало пропасть между ними. Забавно, что Уорд начинал замечать такие мелочи, которые всегда были у него перед глазами, но в которых он прежде не отдавал себе отчета: например, почему его отец всегда носит бейсболку (чтобы скрыть свою плешь) или почему закрывает ноги пляжным полотенцем (чтобы избежать рака кожи – семейной болезни). Наверное, мать тоже обращала внимание на все эти вещи и на многое другое, и они определенно стали одной из причин их развода три года назад.

Сестра подбежала к нему с ведерком в одной руке и пластмассовой лопаткой в другой.

– Гляди, Уорд! – возбужденно сказала она, швырнув лопатку на песок, и вытащила из ведерка какой-то предмет. – Брюхоногий моллюск!

Он взял этот «предмет» из ее руки и внимательно рассмотрел. Слева от него с каждой волной нарастала сила прилива.

– Здорово.

Аманда забрала у него раковину и опустила в ведерко:

– Я сначала решила, что это кантарус, только со сглаженными пупырышками. Но у кантаруса форма другая.

Не дожидаясь его ответа, она вернулась к поиску ракушек.

Уорд несколько секунд наблюдал за ней. Это было приятнее, чем наблюдать за отцом. Потом он быстро огляделся, чтобы убедиться, что, пока он разговаривал с сестрой, на берег не вынесло никаких новых сокровищ. Но этот участок берега острова Каптив¹ был тихим, и конкуренция была минимальной: в поле зрения находилось не более дюжины человек, бредущих по кромке воды в той же забавной полусогнутой позе, что и сам Уорд и его сестра.

Когда пять дней назад они прибыли на остров Санибел, Уорд испытал сильное разочарование. Прежде он проводил каникулы в Вирджиния-Бич и Китти-Хок. Санибел показался ему местом на краю земли: никаких пляжных променадов, всего несколько магазинов и других достижений цивилизации, а хуже всего – ужасный Интернет. Но шли дни, и Уорд привык к тишине. На прошлой неделе он загрузил достаточно фильмов и книг, и ему не требовался онлайн-доступ для создания новых сборок сайд-скроллера², который он разрабатывал для своего класса в прикладном Python. У его отца после развода было не так уж много возможностей взять детей на каникулы – с учетом выплаты алиментов и всего остального свободных денег у него почти не остава-

¹ Остров Каптив примыкает к более крупному острову Санибел, и оба входят в группу барьерных островов у побережья Флориды.

² *Сайд-скроллер* – компьютерная игра, в которой игрок наблюдает за игровым процессом посредством расположенной сбоку виртуальной камеры.

лось, – и, когда приятель по работе предложил отцу провести неделю в маленьком прибрежном доме на Галф-драйв на Санибеле, тот принял предложение. Уорд знал, что у отца финансовые затруднения, а потому старался не жаловаться на обстоятельства: дешевые билеты на самолет, не лучшие рестораны и все прочее.

Ракушки стали настоящим спасением.

Острова Санибел и Каптивa близ юго-западного побережья Флориды были известны как лучшие в мире места для собирания ракушек. Острова вдавались в Мексиканский залив, словно сеть, улавливающая всевозможных моллюсков, живых и мертвых, и разбрасывающая их по песку. Недолгий ночной шторм перед прибытием семейства Персалл обернулся для них удачей: судя по всему, шторма всегда приносили много ракушек. В первый же день на берегу обнаружили почти невообразимые сокровища из необычных и красивых образцов – не какие-то там клешни краба, обломки раковин морского гребешка и другая ерунда, часто встречающаяся на внешних отмелях, – и лихорадка ракушкоискательства поразила их обоих, а особенно Аманду. Девочка успела стать своего рода экспертом, способным отличать каури от морских улиток, а тех – от литорин. Увлеченность Уорда остыла через несколько дней, его глаз стал более разборчивым. Теперь он подбирал только по-настоящему хорошие образцы. Отец ограничил их одним пакетом ракушек на обратный полет, и Уорд знал, что завтрашняя отбраковка пре-

вратится в ад из-за протестов Аманды.

Начинался прилив, ветер усилился, и прибой бился о берег с чуть большей силой. Нахлынувшая волна выбросила прямо под ноги Уорду спиралевидную розовую раковину. Когда он подобрал ее, другой охотник за ракушками подскочил к нему сзади – яркие цвета на мелководье притягивали их, как мух, – и, тяжело дыша, заглянул через плечо.

– Розовый лепесток? – возбужденно спросил человек.

Уорд повернулся и взглянул на него: лет пятидесяти, довольно полный, в козырьке от солнца из магазина для серфингистов и в дешевых солнцезащитных очках, с руками, обожженными солнцем ниже локтя. Явно турист, как и все эти люди вокруг. Местные знали, когда наступает лучшее время для посещения берега, и Уорд редко их видел.

– Нет, – ответил юноша. – Обычный конус. Брюхоногий.

Его сестра, инстинктивно настроенная на вероятную Большую Находку, поспешила к нему, и он отдал ей свою добычу. Она быстро осмотрела раковину, хотела было выкинуть в воду, но передумала и опустила в ведерко.

Человек в солнцезащитном козырьке отступил, и Уорд пошел дальше по следам Аманды, слушая, как хрустят под его подошвами кости древних морских существ. Мысль о том, что нужно собирать вещи, напомнила ему, что послезавтра они будут дома, а значит, он вернется к своей обычной жизни: окончание школы, неизбежная скукота всевозможных тестов и эссе, подача документов в колледж. С недавних пор

его стали беспокоить мысли о том, что он придет к тому же, к чему пришел его отец: работал как вол, но почему-то так и не вырвался вперед, а теперь его обогнали более молодые, с более престижными степенями и более востребованными навыками. Уорд не думал, что сможет вынести такое.

Еще одна волна накрыла его ноги, и он автоматически скорректировал курс, отступив вглубь острова. Новые ракушки покатались назад вместе с волной: винтовая, еще одна винтовая и еще. Он уже набрал до черта винтовых – на всю жизнь хватит.

Накатила очередная волна, более сильная, и Уорд взглянул на море. Волнение явно усилилось. Возможно, это и к лучшему: завтра их последний день здесь и, может быть, случится еще один шторм, который принесет им такую же удачу, как в первый раз...

И в этот момент глаза Уорда выхватили впереди что-то зеленое. Оно было оттенком чуть светлее, чем бирюзовая вода, и перекатывалось через себя, замедляясь вместе с волной. И выделялось размером большим, чем все остальные находки. Стромбус? Нет, у того цвет другой. И это не трубач.

Через миг равнодушие пресыщенности уступило место страсти собирателя, жадного до раритетов. Юноша украдкой оглядел берег. Ни его сестра, ни человек с козырьком ничего не заметили. Он небрежно прибавил шагу. Эта штука вернется со следующей волной или, может быть, через одну.

Потом он снова увидел этот предмет, наполовину погру-

женный в воду футах в шести от берега. И теперь понял, что это вовсе не раковина, а кроссовка. Новенькая светло-зеленая кроссовка. Не очень похожая на кроссовки, которые он видел прежде.

Хотя Уорд и не мог позволить себе такие, но от друзей по школе он знал, что некоторые кроссовки являются суперколлекционными. «Баленсиага Трайпл С.» или «Йизи» нередко можно было загнать за три или четыре сотни долларов, если тебе удавалось найти их на распродаже. А уж если повезло раздобыть редкую пару вроде «Эйр Джордан 11 Блэкаут», то ты легко мог продать ее на eBay за четырехзначную сумму.

Лучший образец из всего найденного Амандой за эту неделю стоил не больше десяти баксов.

Одна кроссовка, всего лишь одна, и к тому же одноцветно-зеленая. Что это за бренд такой? Кроссовку снова понесло к берегу, и через мгновение все станет ясно.

Прибой окатил щиколотки Уорда, издавая приглушенное шипение. Юноша ловко выхватил кроссовку из воды. Черт, она оказалась тяжелой – наверняка напиталась влагой. Но при этом прекрасно сохранилась. Уорд машинально перевернул ее, чтобы проверить подошву, но на вулканизированной поверхности не обнаружилось ни логотипа, ни названия бренда.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что Аманда и жирный мужик в козырьке снова приближаются к нему. Не об-

ращая на них внимания, он смотрел на подошву. Возможно, это изделие-прототип. Они, вероятно, тестировали их здесь, на берегу. За прототип люди могут заплатить еще больше. Уорд инстинктивно окинул взглядом линию прибоя. Если вторая кроссовка плавает поблизости, то такая находка может превратить средненькие каникулы в нечто особенное, даже...

Его сестра вдруг вскрикнула. Уорд посмотрел на нее, нахмурившись. Аманда вскрикнула снова, еще громче. По какой-то причине ее взгляд был прикован к кроссовке в его руке. Озадаченный, он опустил глаза и повернул запястье, чтобы разглядеть получше.

Теперь он видел внутренность кроссовки. Она была заполнена какой-то розово-красной массой с осколком чистой белизны, торчащим из середины. Уорд замер, его ум никак не мог воспринять то, на что он смотрит.

Его отец вскочил на ноги и побежал к ним. Словно изда-дека, Уорд слышал, как матерится человек в козырьке и как Аманда визжит и пятится, а потом ее рвет на песок. Внезапно выйдя из ступора, Уорд судорожно отбросил кроссовку и шагнул назад, теряя равновесие и падая на колени. Но даже при этом его взгляд инстинктивно обратился к морю, где, перекатываясь среди пенистых барашков, десятки и десятки таких же кроссовок лениво покачивались и неотвратимо приближались к берегу.

2

П. Б. Перельман остановил свой «форд-эксплорер» на парковочной площадке Тёрнер-бич. Чтобы добраться сюда после первого сигнала Службы спасения, ему понадобилось всего пять минут – его дом на Коконат-драйв находился меньше чем в миле от Тёрнер-бич, – но он почувствовал облегчение, обнаружив, что двое его патрульных, Робинсон и Лару, уже здесь. Робинсон зачищал берег, просил людей вернуться в свои машины, чтобы можно было огородить место преступления полицейской лентой. Лару разговаривал с небольшой группкой людей приблизительно в четверти мили дальше по берегу. Перельман увидел, как полицейский посмотрел в сторону моря, потом повернулся и побежал в прибой, вытащил что-то из воды и аккуратно поставил на песок в месте, недостижимом для волн.

Как любила говорить Дороти Паркер, что это за свежий ад? В сообщении, полученном Перельманом, шла речь только о «нарушениях на берегу». Но он из личного опыта знал: даже в таком сонном местечке, как Санибел и Каптивва, эти три слова могут значить что угодно – от гуляк, прибывших на выходные и пытающихся причалить свои скоростные катера в темноте, до церемоний равноденствия, организованных нудистской колонией Норт-Нэплз.

Перельман направился к берегу через тонкую линию дюн-

ной травы и морского овса. Он прошел мимо Робинсона, который торопливо выпроваживал с берега к парковке два ошеломленных семейства с их одеялами, шезлонгами, кулерами, досками для буги-серфинга и прочим барахлом.

– Лучше вызывайте силы быстрого реагирования, шеф, – прошептал Робинсон, поравнявшись с Перельманом.

– Все?

В ответ Робинсон только кивнул в сторону Лару.

Перельман пошел дальше по берегу, прибавив шагу. Лару, который вернулся было к небольшой группке людей, снова бросился выуживать что-то из воды. Подойдя ближе, Перельман понял, что это что-то вроде кроссовки, сделанной из светло-зеленого материала.

Заметив шефа, Лару остановился. Когда Перельман подошел еще ближе, он увидел, что из кроссовки торчит нога. Обрубок ноги, судя по всему.

Лару молча показал ему на обрубок и поставил находку на песок со словами:

– Привет, шеф.

Перельман не ответил – он глядел вниз. Потом повернулся к своему заместителю.

– Генри, – сказал он, – ты не хочешь ввести меня в курс дела?

Полицейский посмотрел на него с непонятным выражением:

– Мы с Рисом в патрульной машине направлялись на

Сильвер-Ки. Не успели мы доехать до Блайнд-пасса, как я увидел какое-то странное движение здесь, на общественном пляже. Я сообщил об этом, и мы подъехали к...

– Я говорю вот о чем. – Перельман показал на кроссовку.

Лару проследил за его взглядом. Потом беспомощно пожал плечами и махнул рукой куда-то назад.

Начальник полиции посмотрел туда. И увидел на высоте, недоступной прибою, выстроившийся в ряд строй кроссовок. Изю всех торчали обрубки ног. Затем он посмотрел в сторону моря и заметил еще несколько таких же предметов, подпрыгивающих на волнах. Над ними начали с громкими криками кружить чайки.

Теперь Перельман понял, почему его подчиненные так заняты и так ошеломлены и почему, подъехав сюда на своей машине пять минут назад, они сделали обычный вызов без всяких уточнений. Он тоже почувствовал это: неожиданный кошмар, настолько странный и непонятный, что невозможно поверить в него. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, потом еще один. Затем показал на небольшую группку у дюн:

– Это люди, которые нашли, э-э, первую ногу?

Лару кивнул.

Начальник полиции снова огляделся. У Лару было чутье: пока их ресурсы невелики, лучшее, что они могут сделать, – это вылавливать обрубки из залива и оставлять их повыше, приблизительно против тех мест, где их вынесло на берег.

– Они что-нибудь знают?

– Они мало что могут сказать помимо того, что видим мы сами.

Перельман кивнул:

– Ладно. Хорошая работа. – Он посмотрел в сторону при-
боя. – Продолжай. Нужно собрать все до единого. И помни.
мы имеем дело с человеческими останками.

Лару направился к воде, а начальник полиции вытащил
рацию:

– Диспетчер, говорит Перельман.

– Диспетчер. Слушаю, Пи-би.

Значит, это Присцилла дежурит сегодня утром. Он узнал
ее пронзительный голос. Ни у кого другого не хватало духу
называть его Пи-би. Она не только называла его по инициа-
лам, но и (поскольку он никому не говорил, что стоит за эти-
ми инициалами) с удовольствием предавалась предположе-
ниям, когда он мог ее слышать. Возможно, она верила, что
он, будучи ничуть не похожим на других начальников поли-
ции, выдал ей разрешение быть умной язвой. Как бы там ни
было, в его присутствии она перебрала несколько десятков
вариантов, включая Привет Балеринам, Постный Бисквит и
Пенис Бойкий, но к истине так и не приблизилась.

Перельман откашлялся:

– Присцилла, я объявляю красный уровень тревоги. Под-
нять всех со значками и оружием.

– Сэр. – Голос Присциллы заметно изменился.

– Я хочу, чтобы оба дежурных лейтенанта и все сержан-

ты перешли в режим высшей степени готовности на тот случай, если нам придется срочно ввести комендантский час. Они знают регламент. Скажи им, пусть действуют без шума, мы не хотим, чтобы туристы впали в панику. Мы немедленно закрываем весь берег Каптивы и западную береговую линию. Пусть начнут подготовку к возможной эвакуации острова Каптива. И предупреди мэра, если она еще не знает.

– Сэр.

Перельман говорил быстро. Его речь словно ускорялась с каждой секундой. Тем временем Лару выудил еще четыре или пять кроссовок. По грубой оценке, их было уже двадцать пять, а к берегу плыли новые и новые. Полицейский начал отгонять чаек, которые пытались ухватить обрубки. Робинсон выпроводил последних охотников за ракушками и загорающих и теперь натягивал ленту в тех местах, где можно было пройти на берег.

– Мне нужен первый пропускной пункт на материковой стороне Санибельского моста и второй – с моста Блайнд-пасс. Второй – чтобы пропускать только постоянных жителей и арендаторов Каптивы. Известить офис коронера по району Двадцать один, пусть приезжают сюда, на Тёрнер-бич, для работы с большим количеством человеческих останков.

– Сэр, – в третий раз сказала Присцилла.

– Свяжись с командованием береговой охраны в Форт-Майерсе. Скажи им, пусть срочно вышлют катер. Мне ка-

жется, их катер «Помпано» временно причален на Стейшн-Кортес. Пусть командование немедленно свяжется со мной. Наложить временное ограничение на полеты над Каптивой – исключение только для нужд чрезвычайной операции. И никаких вертолетов прессы. Все ясно?

Короткая пауза, в течение которой Перельман слышал царапанье ручки по бумаге.

– Принято.

– Хорошо. Дальше. Когда острова будут заблокированы и пропускные пункты установлены, весь свободный персонал ко мне сюда, к Блайнд-пасс. Перельман закончил.

Он отключил рацию и посмотрел в сторону Лару. Тот двигался быстро, как мог, вылавливая обувь из воды, но чаек собиралось все больше, они кричали и кружили, имея численное превосходство над Лару. Перельман отстраненно чувствовал, какая невероятно странная складывается ситуация, но вопреки этому его внимание сосредоточилось на том, чтобы держать ее под контролем. Двадцать пять кроссовок, двадцать пять обрубков ног, выброшенных на берег, и, судя по всему, прилив должен был принести еще. Легче было бы свалить их все вместе, но Перельман знал, что каждая мелкая деталь будет иметь значение и все кроссовки должны оставаться как можно ближе к тому месту, куда их вынесло.

Он достал из кармана служебную камеру и сделал ряд фотографий и коротких видеозаписей с места преступления, включая общий вид берега. Потом посмотрел на свидетелей,

которые теперь находились за лентой, – небольшая группа людей, похожих на призраков. Ему очень хотелось допросить их – хотя он и сомневался, что они могут сказать что-то полезное, – но в настоящий момент его задача состояла в том, чтобы стабилизировать и защитить место преступления до прибытия подкрепления.

Стая чаек все увеличивалась, воздух наполнился их громкими криками. Перельман увидел, как одна чайка села рядом с кроссовкой.

– Генри! Стреляй в чаек!

– Что?

– Стреляй в чаек.

– Их слишком много, я не могу прицельно...

– Стреляй в их направлении! Отпугни их!

Лару расстегнул кобуру, вытащил свой «глок» и выстрелил в сторону моря. Огромное облако кричащих чаек поднялось в небо, включая и ту, которая чуть было не схватила кроссовку. Перельман посмотрел вдоль берега, и ему стало нехорошо оттого, что он увидел вдали: на волнах переваливались все новые кроссовки. Вероятно, придется обнести весь западный берег полицейской лентой и закрыть туда доступ как к месту преступления.

И теперь он заметил, что за гребнем дюны, на некотором расстоянии друг от друга, начали появляться фигуры. Они не пытались приблизиться, просто стояли не двигаясь, как часовые. Новые зеваки. Сердце у него упало. Это были не

туристы; это были местные жители. Люди, чьи дома располагались на Каптива-драйв, чей берег был осквернен этим неожиданным и страшным приливом. Оглядывая их одного за другим, начальник полиции понял, что не меньше половины из них он знает по именам.

«Да, смерть склюет нас всех... Вот горы – мертвый камень...»³

Вдруг возник переполох: крики, ругань, затем яростный лай. Перельман оглянулся, временно выбитый из колеи неуправляемым событием, и увидел медного цвета пятно – собаку с кроссовкой в пасти, ирландского сеттера по кличке Слиго, который пробежал мимо него на северо-восток, к заповеднику.

«Ну что за сукин сын!»

– Слиго! – прокричал он. – Слиго, назад!

Но собака неслась прочь от них. Убегала, держа в пасти вещественное доказательство. Если Слиго доберется до заповедника, они, вероятно, никогда больше не увидят эту улику.

– Слиго!

Бесполезно: собака возбудилась, видя активность на берегу, и у нее обострился охотничий инстинкт, она больше не слушалась приказаний.

– Слиго!

³ Строки из стихотворения американского поэта Робинсона Джефферса «Мудрецы в часы несчастья». Перевод Ю. Головневой.

«Сохраняй цепочку улик», – прокричала ему в уши его профессиональная подготовка. «В любой ситуации относись уважительно к человеческим останкам». Конечная ответственность лежала на нем как на начальнике полиции.

Перельман достал служебный пистолет.

– Что вы делаете? – раздался крик из рядов наблюдателей.

– Нет! Не надо! – завопил кто-то.

Перельман прицелился, сделал долгий дрожащий вдох, задержал его и, когда собака уже готова была исчезнуть в кустах, нажал на спусковой крючок.

Собака, не произведя ни звука, перевернулась и приземлилась на спину, кроссовка выпала у нее из пасти. Прошло страшное мгновение, и по рядам наблюдателей наверху дюны прокатилось что-то похожее на стон.

– О господи, – сказал кто-то прерывающимся голосом. – Он застрелил собаку!

Перельман убрал пистолет в кобуру. «Проклятье!»

У него за спиной прозвучало еще несколько выстрелов: Лару отгонял чаек, успевая при этом подбирать новые кроссовки. К нему на помощь рысцой спешил Робинсон. Перельман услышал шум вертолета и треск двигателя катера, приближающегося по воде.

– Эй, вы, мистер! – раздался громкий негодующий голос.

Перельман повернулся к наблюдателям.

– Вы застрелили собаку! – Женщина лет пятидесяти обвиняющим жестом указывала на него пальцем.

Он не узнал ее – возможно, это была приезжая.

Начальник полиции ничего ей не ответил.

Женщина шагнула вперед, подошла вплотную к ленте:

– Как вы могли? Как вы могли это сделать?

– Я не мог позволить ему убежать с уликой.

– С уликой? С *уликой*? – Женщина показала рукой в сторону берега. – Разве вам еще не достаточно улик?

Неожиданно что-то – то ли презрительный жест, с каким женщина показывала на комки плоти, лежащие тут и там на песке, то ли абсурдность ее замечания – заставило Перельмана горько рассмеяться.

– А теперь вы считаете, что это смешно! – воскликнула женщина. – Что скажет хозяин собаки?

– Это ничуть не смешно, – ответил Перельман. – Вчера у этого пса был день рождения.

– Вы знали эту собаку! – Женщина в ярости топнула ногой. – Вы знали собаку... и все равно пристрелили ее!

– Конечно, я ее знал, – ответил начальник полиции. – Это была моя собака.

3

Поднявшись в воздух в Майами, вертолет ФБР полетел над бирюзовыми водами залива Бискейн в южном направлении, потом, добравшись до длинной зеленой полосы национального парка в конце верхней части Флорида-Кис, свернул на запад. Ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, пристегнутый к креслу второго пилота вертолета «Белл-429», отслеживал маршрут по карте, положенной на тонкий портфель, который, в свою очередь, лежал у него на коленях. Стрелки часов приближались к двум часам дня, и яркое солнце, отражаясь от спокойных вод внизу, слепило глаза, невзирая на солнцезащитные очки и тонированные стекла кабины. Морские растения и коралловые рифы уступили место тонкой цепочке тропических островов, связанных между собой единственной четырехполосной дорогой, словно бусины, нанизанные на нитку. Появились ухоженные боковые дороги, потом, совершенно неожиданно, особняки и яхты. Их, в свою очередь, сменило нечто похожее на живописную рыбацкую деревню, затем потянулись ряды одинаковых кондоминиумов, потом снова океан. А дальше – еще один остров, еще одна узкая полоска хайвея, окруженная водой, еще один остров. Плантейшн-Ки, догадался ответственный заместитель директора: скорость вертолета и низкая высота затрудняли сверку маршрута с картой.

Теперь вертолет резко ушел на восток, направляясь в сторону от цепочки островков в открытые воды. Они летели так долго – минут десять, а может, и больше, – что Пикетт даже подумал, не ошибся ли пилот. Впереди была только голубизна, тянущаяся до самого морского горизонта.

Но нет, это оказалось не совсем так. Щурясь за солнцезащитными очками, Пикетт смог различить крохотную зеленую точку, чуть ли не с кокетством появлявшуюся и исчезающую за самыми дальними волнами. Он приглядывался еще некоторое время, потом протянул руку в пассажирский отсек и достал оттуда тяжелый морской бинокль. В бинокле точка превратилась в отдельный оазис зелени, крохотную экосистему посреди океана.

Он опустил бинокль:

– Это оно?

Пилот кивнул.

Пикетт перевел взгляд на карту:

– Здесь ничего такого нет.

Пилот кивнул еще раз, с ухмылкой:

– Я все думаю, сколько может стоять этот маленький клочок земли.

Пикетт еще раз взглянул на остров, пока вертолет пролетал над коралловым рифом. Островок быстро приближался, спокойные воды по мере уменьшения глубины приобретали бледно-изумрудный цвет. То, что казалось буйством джунглей, превратилось в пальмовые деревья, аккуратно стоящие

в ряд, словно строй гренадеров. Между деревьями мелькали строения, белые на зеленом фоне: стратегически расположенные вышки охраны, незаметные, но вооруженные пулеметами. А теперь появился искусно скрытый за зеленой растительностью длинный невысокий элинг, внутри которого можно было различить два катера рядом с длинным пирсом, протянувшимся в бирюзу.

Вертолет сбросил скорость, сделал круг над элингом. С другой стороны пирса над водой были построены две вертолетные площадки. Они сверкали, словно их почти не использовали.

Пилот описывал круги, спускаясь, и наконец аккуратно сел на одну из площадок. Пикетт схватил свой портфель, открыл дверь и вышел под ослепительное солнце. В этот момент из тени деревьев появились два человека и пошли по мосткам в его сторону. Кожа цвета корицы, черные береты, оливковые рубашки навыпуск и такого же цвета аккуратно выглаженные шорты – ни дать ни взять Британская Индия с налетом карибского.

Они улыбнулись, обменялись рукопожатиями с Пикеттом и повели его назад по мосткам, потом по красивым извилистым дорожкам из толченого ракушечника, с мраморными скамьями среди пышной растительности, усыпанной яркими тропическими цветами. Они поднялись по мраморным ступеням, спустились на другую тропинку, снова поднялись. Несмотря на солнце, под пальмами было прохладно, легкий

ветерок колыхал насыщенный цветочными ароматами воздух. Тут и там между деревьями Пикетт видел здания из алебастрового мрамора, из которого были построены и все остальные сооружения на острове. Время от времени дорожку пересекали павлины, с невысоких деревьев на них глазели огромные попугаи. Остров казался малонаселенным – всего несколько мужчин и женщин, которых Пикетт заметил вдали в просветах между деревьями или за длинными зелеными травяными участками; одеты они были так же, как и люди, сопровождавшие его.

Наконец, когда они поднялись по очередной лестнице, более величественной и протяженной, чем прежние, и обогнули скульптуру Посейдона, два проводника остановились перед тенистым проходом. Они дали понять, что дальше гость должен идти один. Он поблагодарил их, помедлил мгновение и двинулся к арке.

Пикетт оказался в крытой колоннаде с коринфскими колоннами, изготовленными все из того же белоснежного мрамора. Он двинулся вперед по дорожке, исполосованной солнечными лучами, слыша доносящийся издали гул голосов, неразборчивых за щебетом птиц. В конце колоннада открывалась в перистиль, окруженный горшечными растениями. В середине два искусно расположенных фонтана в форме херувимчиков проказливо поливали друг друга струями воды.

В задней части перистиля под решеткой, увитой плющом, стояло несколько стульев, и именно там Пикетт обнаружил

наконец специального агента Алоизия Пендергаста, в белом костюме из чистого льна, похожем на тот, который Пикетт видел на нем примерно за две недели до этого в баре на крыше отеля в Майами-Бич. Пендергаст сидел нога на ногу, демонстрируя прекрасной выделки туфли из мягкой кожи.

По обе стороны решетки стояли два человека в такой же, как и у всех, форме. Но тут присутствовало еще одно лицо. К удивлению Пикетта, ближайшее к Пендергасту место занимала молодая женщина лет двадцати с небольшим. Подойдя ближе, Пикетт увидел, что она поразительно красива, с этими ее фиалковыми глазами и темными волосами, коротко и стильно подстриженными. Она была одета в светлое органди и держала в руке книгу – французскую, судя по названию на обложке: «*À rebours*»⁴. Женщина оглядела Пикетта с холодной бесстрастностью, от которой ему стало почему-то не по себе. Вероятно, это была Констанс Грин, подопечная Пендергаста. Пикетт слышал кое-что о ней, пытался узнать побольше, но информация была слишком скудна даже в базах ФБР. В этой женщине чувствовалось что-то почти неземное, ускользавшее от его понимания. Может быть, дело было в ее глазах. Казалось, эти глаза, такие холодные и уверенные, видели все в этой жизни, а потому ничто не могло их смутить.

Девушка откашлялась, чтобы заговорить, и Пикетт, осознав, что уставился на нее, отвел взгляд.

– Смотрите, принц, вот он! – произнесла она удивительно

⁴ Наоборот (*фр.*).

низким, бархатным контральто.

– Святители небесные, спасите! – прошептал Пендергаст.

– Прошу прощения? – сказал Пикетт мгновение спустя и шагнул вперед.

– Вы должны извинить маленькие шутки Констанс. – Пендергаст повернулся к ней. – Боюсь, моя дорогая, ответственный заместитель директора Пикетт не разделяет твоей любви к литературным аллюзиям⁵.

Она кивнула:

– Может быть, это и к лучшему.

Пендергаст показал Пикетту на пустой стул:

– Прошу вас, садитесь. И позвольте вас познакомить: ответственный заместитель директора ФБР Пикетт – моя подопечная, Констанс Грин.

Пикетт пожал ей руку и сел, поставив портфель. В наступившей тишине он оглядел двор и колоннаду с величественными пальмами вдоль нее. Вдали, за линией зелени, виднелся светлый нефрит океана. Место было прекрасное: невероятно уединенное, невероятно тихое и, несомненно, невероятно дорогое.

Пикетт не любил избыточной роскоши. Но это место тем не менее привлекало его на инстинктивном уровне. Оно казалось элегантным и изысканным, как дуга радуги над водопадом. Да, он бы вполне мог привыкнуть к нему.

⁵ Констанс и Пендергаст разыгрывают сцену из первого акта трагедии Шекспира «Гамлет», когда принцу является призрак отца.

– Не хотите выпить? – Пендергаст поднял свой бокал с непрозрачной жидкостью алого цвета.

– Что это? – спросил Пикетт.

– Понятия не имею. Наши хозяева говорят мне, что это какое-то местное варево, полезное для пищеварения.

– Не советую, – предупредила Пикетта Констанс. – Я выпила глоток этого «местного варева» – у него вкус соленого формалина. – Она сделала движение рукой в сторону Пендергаста. – Он пьет это с момента нашего появления здесь. Вы видите – его голова уже начинает усыхать.

Пендергаст в ответ сделал большой глоток:

– Констанс, не вынуждай меня отправлять тебя в твою комнату без ужина.

– Позвольте узнать, а что пьете вы? – спросил ее Пикетт.

– «Лилле Бланк» с долькой местного лайма.

Пикетт и из-за такой малости не хотел рисковать.

Пендергаст подозвал одного из людей в униформе, и тот предложил Пикетту сделать заказ.

– «Дайкири», – сказал ответственный заместитель директора.

Человек едва заметно кивнул и удалился, почти мгновенно вернувшись с бокалом.

– Попробуйте сами отыскать этот остров на карте, – сказал Пикетт. – Что-то в нем наводит меня на мысли об Атлантиде.

– И, как и в случае с Атлантидой, – ответил Пендергаст своим медовым тягучим голосом, – природа, несомненно,

позаботится о том, чтобы он вскоре оказался под водой. Теперь же, похоже, идеальное время насладиться им.

– Я не предполагал, что так скоро вернусь во Флориду, – сказал Пикетт. – Но меня вызвали вчера днем отвечать перед большим жюри. По делу Брокенхартса.

Пендергаст кивнул:

– Меня тоже вызывали. Я давал показания в начале недели.

Пикетт уже знал, что Пендергаст давал показания перед большим жюри и что он все еще находится во Флориде, но неизвестно, где именно. На выяснение этого у него ушло столько времени и сил, что лучше и не вспоминать.

– Очень мило с вашей стороны заглянуть к нам, пока мы на отдыхе, – сказал Пендергаст. – Я полагаю, теперь вы собираетесь в Нью-Йорк?

Черт побери, этот парень когда-нибудь прекратит издеваться над ним? Пендергаст прекрасно знал, что Пикетт прилетел к нему не со светским визитом. Эта ерунда случилась в самое неудобное для Пикетта время: он надеялся вот-вот получить повышение и перевод в Вашингтон на одну из командных должностей.

– Вообще-то, я пока не собираюсь в Нью-Йорк. Держу путь на остров Каптив.

Пендергаст глотнул из своего бокала и проговорил:

– Вот как.

Пикетт коротко кивнул:

– Пока мы с вами говорим, там происходит нечто совершенно уникальное. Сегодня утром на берег выбросило большое количество ног, вернее, обрубков человеческих ног, причем все они в зеленой обуви.

Пендергаст вскинул брови:

– Сколько всего?

– Их продолжает приносить прилив. Согласно последнему докладу уже под пятьдесят.

Пендергаст и Констанс Грин ничего не сказали. Пикетт чувствовал себя неловко, делясь конфиденциальной информацией с Пендергастом в присутствии миз Грин. Но он слышал, что она была не только подопечной Пендергаста, но и его секретарем и расследователем. Кроме того, он понимал, что, если он попросит ее удалиться, это, мягко говоря, никак не поспособствует его миссии.

– Никто не знает, откуда взялись эти обрубки, почему в таком количестве, кому принадлежат или хоть что-нибудь, – продолжал он, доставая из портфеля папку с фотографиями и протягивая ее Пендергасту. – Вот почему этим делом занимается ФБР вместе с береговой охраной и местными властями. Мы формируем оперативную группу.

– Какие-нибудь общие признаки обнаружены? – спросил Пендергаст, просматривая фотографии. – Возраст, пол, расовая принадлежность?

– Пока об этом рано говорить. Правоохранительные ресурсы продолжают подтягиваться, и останки переводят в

офис коронера в Форт-Майерсе. Обеспечить сохранность места преступления тоже непросто. Нам нужно подождать от двенадцати до двадцати четырех часов, тогда у нас появится больше информации.

Констанс Грин подалась вперед на своем стуле:

– Вы назвали это местом преступления. Откуда такая уверенность?

Пикетт начал отвечать, но сразу же замолчал. Вопрос был или очень пронизательный, или очень глупый. Чем еще это может быть, если не ужасным массовым убийством?

– У обрубков ног все признаки того, что их отделяли крайне травматическим способом: разорванная плоть, сломанные или перерубленные кости. Не могу себе представить какие-либо происшествия или другие обстоятельства, которые способны вызвать такие травмы.

– На берег вынесло только обрубки ног? Никаких других частей тела?

– Никаких. Остальные части еще предстоит обнаружить.

– Вы говорите об останках. Откуда вы знаете, что люди, которым прежде принадлежали эти ноги, мертвы?

– Я... – Пикетт на мгновение замолчал. – Мы не знаем. Как я уже сказал, дело это кажется уникальным.

Раздраженный этими зондирующими вопросами, он тем не менее не забыл особо подчеркнуть слово «уникальным».

– Могу себе представить. Спасибо, мистер Пикетт.

Констанс откинулась на спинку стула, как адвокат, закон-

чивший перекрестный допрос. Пендергаст протянул ей папку с фотографиями. Пикетт внутренне поморщился, но ничего не ответил.

– Очаровательно, – сказал Пендергаст. – Но я полагаю, вы проделали весь этот путь не для того, чтобы обменяться шутками о странном деле.

– Не для того. – Пикетт постепенно привыкал к окружающей обстановке и снова начинал чувствовать твердую почву под ногами. – Вообще-то говоря, это не так уж далеко отсюда. Как я вам сказал, я направляюсь на Каптиву. И хотел бы, чтобы вы слетали со мной.

– Понятно, – откликнулся Пендергаст после паузы. – А позвольте спросить зачем?

– По всем признакам это чрезвычайно необычное и трудное дело. Я думаю, ваш опыт будет... полезным.

– Я благодарен вам за то, что вы верите в мой опыт. Но как вы видите, мы в отпуске.

Пикетт между тем отметил, что Констанс просматривает фотографии с нескрываемым интересом.

– Мне казалось, что именно вы из всех агентов в моем подчинении сочтете эту проблему интересной, – сказал он.

– При обычных обстоятельствах – наверно. Но мы с Констанс еще не завершили наши каникулы.

Пикетт глубоко вздохнул:

– И тем не менее я бы хотел, чтобы вы взглянули на место преступления.

Он знал, что может просто отдать Пендергасту приказ возглавить расследование, но такая тактика наверняка вызвала бы ответный огонь.

Пендергаст осушил свой бокал.

– Сэр, – сказал он, – полагаю, вы не станете возражать, если я буду говорить откровенно?

Пикетт махнул рукой в знак согласия.

– Вы уже приказали мне покинуть Нью-Йорк и приехать во Флориду для расследования одного дела. А теперь просите «взглянуть на место преступления» по другому делу. Откровенно говоря, я не люблю по чьей-то прихоти браться за расследования в дальних краях. Я бы предпочел вернуться в свой региональный офис, то есть в Нью-Йорк-Сити. К тому же, судя по вашему описанию, проблема, скорее всего, лежит за пределами моей компетенции. На действия серийного убийцы это не похоже. Обстоятельства могут быть интересными, но я не вижу никаких отклонений в психологическом плане. С моей стороны было бы не по-джентльменски оставить здесь Констанс без сопровождения.

– Не беспокойся, Алоизий, – сказала Констанс, возвращая фотографии. – Вряд ли в этом месте можно оказаться без сопровождения. И потом, у меня для компании есть Гюисманс. – Она кивнула на лежащую рядом с ней книгу.

Пикетт обдумал ситуацию. Он мог бы назначить на расследование Гиббонса, или Фаулера, или Сингха. Но он подспудно чувствовал необыкновенную странность и своеобраз-

зие этого дела и понимал, что Пендергаст будет намного превосходить других агентов. Дело Брокенхартса уже продемонстрировало это. Может, просто приказать Пендергасту сопровождать его? Фактически этот издевательский отказ Пендергаста был на грани нарушения субординации. Обычная нетерпеливость Пикетта снова начала брать свое. Он прилетел сюда, изменив маршрут. Он потакал Пендергасту, совал ему под нос лакомые кусочки. К тому же он хотел вернуться в Нью-Йорк, а время уходило. Пикетт встал.

– Послушайте, Пендергаст, – сказал он. – Летим со мной. Меня ждет вертолет. Осмотрим место. Да вы только посмотрите, черт побери. А детали мы обсудим уже потом. За крабами.

Пендергаст, лениво рассматривавший свой пустой бокал, поднял глаза:

– За крабами?

Вертолет приземлился на четырнадцатом грине поля для гольфа в дальнем северном конце острова Санибел. Пендергаст расстегнул ремень безопасности, вышел на грин и огляделся. Судя по всему, кто-то – либо сам Пикетт, либо один из его холопов – хорошо проделал подготовительную работу: на пристани сразу же за рафом⁶ их ждал катер, который, как только они сели, рванул в Вулферт-ченнел, потом повернул и помчался на запад под низким мостом через Блайнд-пасс, узкий пролив между островами Санибел и Каптивва. На пути вдоль Флорида-Эверглейдс Пикетт сообщил Пендергасту все, что знал об этих двух островах: они были туристической меккой, известной – в отличие от Палм-Бич или Майами – своей непринужденной атмосферой, обширными заповедниками, сопротивлением коммерческому развитию и лучшим в мире местом сбора ракушек.

Ничто из этого не стало очевидным для пассажиров катера, когда они миновали Блайнд-пасс и увидели впереди Тёрнер-бич. В поле зрения находилось три судна, принадлежащие береговой охране: патрульный корабль и два катера. Корабль не подпускал к берегу любопытствующие прогулочные лодки, а два катера курсировали туда-сюда в нескольких сот-

⁶ *Грин, раф* – название разных площадок поля для гольфа.

нях футов, как гончие, выслеживающие добычу. Пока Пендергаст наблюдал за ними, с одного из патрульных катеров раздался крик; катер остановился, и человек с длинным шестом и сетью выудил что-то из воды.

Другие полицейские и вспомогательные суда перекрывали канал за Блайнд-пасс, и катер с Пикеттом и Пендергастом был вынужден причалить к ближайшему берегу, где волнолом врезался в песок. На самом берегу наблюдалась лихорадочная активность: несколько групп людей что-то оживленно обсуждали, криминалисты и служащие офиса коронера сновали туда-сюда, делали записи, собирали улики, ползая на коленях по песку; офицеры береговой охраны переговаривались по рации. Движение за полицейским блокпостом было перекрыто, копы проверяли документы и разворачивали посторонние машины, направляя их через мост Блайнд-пасс. По меньшей мере миля береговой линии была обнесена желтой лентой, и десятки флажков, обозначавших места обнаружения улик, трепыхались на ветру выше отметины высокого прилива.

– Вид такой, будто кто-то разворошил муравьиную кучу, – заметил Пикетт, когда они с Пендергастом вышли из катера на песок. Он с минуту оглядывался, осматривая место. – Начнем с них, – сказал он, показывая на самую большую группу на берегу.

За полицейским оцеплением вдоль главной дороги острова толпились люди, вставали на цыпочки, высоко под-

няв телефоны, чтобы зафиксировать то, чего не могли увидеть. Другие наблюдали из окон вторых и третьих этажей домов и кондоминиумов. Некоторые даже прибегали к помощи телескопа. За полицейским пропускным пунктом скопилось множество машин прессы. Полиция начала разворачивать тяжелые рулоны белого пластика и устанавливать из них ограждение места преступления вдоль полицейской ленты, пытаясь таким образом скрыть от любопытных взглядов нижний берег.

Пикетт подошел к группе, представился и раздал несколько визиток. Он повернулся, собираясь представить Пендергаста, но тот продолжал движение, прокладывая себе путь через суету на берегу к более высокому месту на дюнах, откуда можно было окинуть взглядом всю сцену. Здесь уже находился другой человек, высокий, загорелый, в шортах и тенниске. Ему было лет пятьдесят, его волосы и глаза выгорели на солнце, две вертикальные морщины прорезали обветренные щеки. Единственным знаком его власти были кобура открытого типа и рация на поясе. Он стоял в тени нескольких пальм, скрестив на груди руки, и наблюдал за всем происходящим с почти меланхолическим выражением лица.

Когда Пендергаст приблизился, человек кивнул ему, слабо улыбнулся и оглядел агента с головы до ног, особо отметив костюм.

– Добрый день, – сказал Пендергаст, прикоснувшись к своей панаме одним пальцем.

– Вы и в самом деле так считаете? – спросил человек.

– Нет, – ответил Пендергаст. – Но любезные манеры необходимо сохранять даже перед лицом фантазмагории.

– Не могу с этим спорить. – Человек протянул руку. – Начальник полиции Перельман, Санибельское отделение.

– Специальный агент Пендергаст, ФБР.

– Я знаю. – Перельман кивнул, показывая на группу людей, которыми командовал Пикетт. – Я видел, как вы приехали с этим парнем.

– Вот как, – сказал Пендергаст. – Вы знали, что он должен появиться?

– Он постарался сделать так, чтобы все знали о его появлении. Возможно, вы захотите вытащить свой жетон и повесить его на шнурке на шею, чтобы вас побаивались.

– Мне представляется более интересным – и познавательным – заявляться инкогнито. Но я вижу, вы тоже в штатском.

Перельман опустил взгляд на свою тенниску:

– Вообще-то, это моя обычная форма. И все знают, кто я. Санибел не похож на обычный флоридский курортный городок, агент Пендергаст. Что говорить, он не похож ни на один из привычных городков. У нас живут восемь писателей – авторов нескольких бестселлеров, трое художников, имеющих всемирную славу, нобелевский лауреат, поэт, получивший Пулицеровскую премию, два бывших директора секретных служб. Тут куча денег, но обычно их не афишируют. Если хотите увидеть демонстративное потребление во всемирном

масштабе, то к вашим услугам Нэплз за мостом и в нескольких милях к югу. Мы любим, чтобы у нас на улицах было спокойно, чтобы пляжи были чистыми, а туристы – цивилизованными.

Последние слова – явно городской девиз – были произнесены не без иронии.

От линии прибоя донесся крик, потом еще один; несколько полицейских в форме и офицеров береговой охраны бросились на звуки. Пендергаст и Перельман посмотрели в сторону возникшей суеты. Похоже, к берегу прибило новые обрубки ног.

– Кажется, еще две, – сказал Перельман. – В общей сложности пятьдесят семь.

– Есть какая-то регулярность в их появлении? – спросил Пендергаст.

Начальник полиции покачал головой:

– Насколько мы можем судить, были две первые волны. Основная масса была собрана тогда. Но как видите, дары не кончаются. Последний подарок перед этими двумя мы получили около часа назад. Может быть, это предвестники третьей волны.

– И их появление ограничено данным участком барьерного острова?

Перельман кивнул:

– Пока да.

– Вам не кажется, что это довольно необычно?

– Вообще-то, нет. Когда приливы правильные – вот как сейчас, несильные, – весь плавучий мусор держится вместе, а не рассеивается перед береговой линией. Острова имеют уникальное расположение по отношению к океаническим течениям, которые направляют мусор в узкую полосу и выносят на берег громадное количество ракушек.

Рация на ремне Перельмана заверещала, и он снял ее, послушал несколько секунд, потом выдал короткую цепочку приказов и вернул на прежнее место. У линии прибоя полицейские извлекли из воды новые прибитые к берегу обрубки и стали аккуратно размещать их на песке, обозначая флажками.

Пендергаст огляделся вокруг:

– Если позволите, я задам еще более докучливый вопрос: почему вы наблюдаете отсюда, а не занимаетесь командованием и управлением на месте?

– Вы видите эту группу людей вокруг ответственного заместителя директора Пикетта? А конкретнее, видите человека, у которого на форме золотая тесемка? Это заместитель командера сектора береговой охраны. Стройная женщина рядом с ним – мэр Санибела и Каптивы. А рядом усатый и плешивый на костылях – начальник полиции Форт-Майерса. Если что-то подобного масштаба происходит в округе Ли, то автоматически руководство переходит к Форт-Майерсу с его детективами, следователями и криминалистами. Значит, моя обязанность руководить моими подчиненными, успока-

ивать местных и приезжих и провести острова через это время наилучшим образом. Non omnia possumus omnes⁷.

Пендергаст посмотрел на него с легким изумлением:

– Вы не только начальник полиции, но и знаток латыни?

Перельман пожал плечами:

– Некоторые вещи лучше говорить устами Вергилия.

– Это верно. А теперь, если вы меня извините...

И, снова кивнув, Пендергаст медленно двинулся к воде, время от времени останавливаясь и осматриваясь. Его бледные глаза видели все, большое и малое: группки людей, работающих на месте события, катера, несущие вахту на воде, летающих чаек, маленькие флажки, трепещущие на ветру. Он подошел к одному из флажков. Рядом с флажком стояла кроссовка светло-зеленого цвета, внутри ее скромно пристроился обрубок ноги.

Специальный агент опустился на колени. Это была не совсем кроссовка, но и не кед. Без шнурков – вместо них эластичная липучка. На подошве выдавлен вафельный рисунок для противодействия скольжению. Недорогая, практически одноразовая обувь, какую мог бы носить уборщик на предприятии или больничный персонал.

Пендергаст достал из кармана нитриловые перчатки и маску и надел их. Затем он вытащил кроссовку из песка и внимательно осмотрел ее, переворачивая в руках. Необычным казался не только дизайн, но и материал.

⁷ Не все мы можем (лат.).

Он сунул внутрь палец, чтобы пощупать плоть, как вдруг услышал чей-то громкий голос:

– Эй! Эй, вы!

Пендергаст повернулся и увидел, что человек в форме с золотой тесьмой – тот самый, которого начальник местной полиции назвал командером береговой охраны, – отчаянно машет ему со строгим видом.

Пикетт сказал что-то, затем громко обратился к Пендергасту:

– Агент Пендергаст, не могли бы вы подойти?

Пендергаст осторожно поставил кроссовку и прошел по берегу к группе, снимая с себя маску и перчатки.

Командер береговой охраны сердито посмотрел на него:

– Вы не должны ни к чему прикасаться на месте преступления без...

– Агент Пендергаст, – нетерпеливо вмешался Пикетт, – это командер Бо, заместитель начальника сектора береговой охраны. – Потом он представил Пендергаста мэру Санибела и начальнику полиции Форт-Майерса, которые были слегка ошарашены выпадом багроволицего командера. – Командер Бо возглавит следствие.

– Верно, – сказал Бо. – И прикасаться к уликам могут только специально назначенные криминалисты. Ситуация постоянно меняется, и мы должны установить четкую иерархию, распределить сферы ответственности, процедуры и график. Только после этого мы можем приступить к расследо-

ванию.

– Что касается графика, – заговорил Пендергаст, – эти обрубки ног, похоже, провели в воде около трех недель. Мне любопытно знать, как этот факт повлияет на ваши планы расследования.

Неожиданно наступила тишина. Коммандер посмотрел на специального агента с неудовольствием, смешанным с неуверенностью:

– Три недели? Откуда вы это знаете?

– Или даже четыре по первому взгляду – лабораторное исследование уточнит цифру. Видите ли, коммандер, жизненный цикл простейших рачков – вещь самая полезная для судебно-медицинской морской биологии. Они развиваются по установленному расписанию, а молодой рачок в ранней прикрепленной фазе явно присутствовал на подошве кроссовки, которую я рассматривал. Рачки – это первое, что нужно искать в подобных ситуациях.

Когда Бо повернулся к плешивому полицейскому начальнику из Форт-Майерса и спросил, почему ему еще не доложили про рачков, Пикетт отвел Пендергаста на несколько ярдов в сторону.

– Вы видите, как тут обстоят дела, – сказал он, раздраженно наморщив лоб. – Идиоты выпущены на свободу. Дело настолько необычное, что местные власти пребывают в смятении. Коммандер Бо заявляет, что это его юрисдикция, поскольку обрубки найдены в море. Естественно, ФБР должно

быть представлено.

– Естественно.

– Несомненно, будет создана группа специального назначения, и я могу поставить доллар противдохлой мухи на то, что командер Бо будет назначен старшим. Вам придется делать вид, что вы подчиненный командера. Я жду от вас регулярных докладов.

Пендергаст сделал глубокий вдох:

– Сэр, вы забыли, о чем я говорил прежде?

– Я помню, о чем вы говорили. Но скажите мне: вы когда-нибудь видели что-либо подобное этому?

– Нет.

– Никогда за всю вашу жизнь? Ничего даже отдаленно похожего?

Пауза.

– Ничего.

– Вы имеете хотя бы малейшее представление о причинах, по которым шестьдесят, семьдесят обрубков человеческих ног выбросило на берег в середине курортного флоридского острова?

– Ни малейшего.

– И вам не любопытно?

Пендергаст не ответил на этот вопрос.

– Ну вот. – У Пикетта был довольный вид, словно он объявил шах противнику в шахматной партии. – Вот почему вы должны взяться за это дело. Потому что оно не укладывается

ни в какие наши рамки. Вы *должны* его раскрыть.

– Я не очень люблю море и катера.

– Есть таблетки от укачивания, – сказал Пикетт. – И я подумал, что вам не помешает помощь в этом деле. Я имею в виду, как в прошлый раз. Напарник.

Пендергаст замер.

– Нелишне сказать, что агент Колдмун все еще здесь. Он подал заявление на перевод в Колорадо, и если оно будет удовлетворено – а оно будет удовлетворено, – то на его исполнение уйдет еще несколько недель. – Пикетт замолчал, чтобы смахнуть песчинки с манжет. – И в конце-то концов, вы блестяще отработали вместе.

Все так же не двигаясь, Пендергаст произнес:

– Я приложил массу усилий, чтобы приспособиться к агенту Колдмуну. Вы предполагаете, что я не смог бы раскрыть дело Брокенхартса сам?

Ответом ему было долгое молчание. Наконец Пикетт заговорил:

– Здесь мы имеем дело с чем-то совершенно иным, но не менее непонятным. Колдмун – агент, чьи способности дополняют ваши.

– Насколько я помню, – холодно сказал Пендергаст, – в той спешке и неразберихе агент Колдмун упал в яму и мне пришлось его спасать.

Пикетт поднял руки:

– Хорошо, хорошо, забудем о Колдмуне. Знаете, я всегда

думал, что напарничество – лучшая стратегия, но не берите в голову. Если я дам вам свободу рук в этом деле, не буду возражать против использования ваших собственных методов – при соблюдении, конечно, иерархии в группе, но без всяких ограничений с нашей стороны, – вы согласитесь его расследовать?

Когда Пикетт задал этот вопрос, на лице Пендергаста появилось некое выражение. Такое выражение нередко можно увидеть на лице шахматиста в предчувствии полного поражения.

– Если таков ваш приказ, то я не буду возражать против того, чтобы остаться здесь на несколько дней исключительно для удовлетворения моего любопытства. Сэр.

– Тогда давайте сейчас же проинформируем командера Бо.

И, легонько коснувшись рукой плеча Пендергаста, Пикетт направился к группе, стоявшей неподалеку на песке.

Роджер Смитбек, репортер газеты «Майами геральд», не стал ждать зеленого света от своего редактора. Когда его полицейский информатор сообщил об обрубках ног, прибитых к берегу острова Каптива, Смитбек прыгнул в «субару» и понесся как сумасшедший по полуострову Флорида. Его антирадар и лазерный подавитель сигнала работали без устали, помогая избегать полиции. Смитбек был знаком с островом Санибел – провел там когда-то долгий отпуск с подружкой, теперь уже бывшей, чтоб ей икнулось, – и понимал, что попасть туда будет нелегко. Он ехал, составляя план, как попасть на место преступления и получить информацию. Плохо то, что он опоздает на несколько часов. Было немало газет и корпунктов других медиа, расположенных куда ближе к острову, и они наверняка послали туда своих людей. «Ньюс пресс» из Форт-Майерса опережает его по крайней мере на два часа, не говоря уже о «Тампа-Бей таймс», «Сарасота геральд трибюн» и «Шарлотт сан». Вторая проблема состояла в том, как физически попасть на Каптиву. Копы наверняка поставили там пропускные пункты. Один из них будет на съезде с Санибельского моста, по которому Роджер, вероятно, и поедет. Главная проблема – попасть с Санибела на Каптиву. С одного острова на другой можно было проехать только по мосту Блайнд-пасс. Если память его не обманывала,

мост выходил прямо на берег, к которому прибило обрубки. Он наверняка будет закрыт.

Но Роджер Смитбек, старший репортер «Геральд», ни в коем случае не собирался присоединяться к жалкой толпе репортеров, потеющих за ограждением и умоляющих дать им хоть какие-то крохи. Он собирался попасть на остров Каптива любой ценой, и по логике проще всего это было сделать на катере. Не отпуская баранку, Роджер потыкал пальцем в свой смартфон, сделал несколько звонков, и вскоре план у него был готов. Он не поедет на Санибел. По ближайшему мосту он доедет до Пайн-Айленда, доберется до Сент-Джеймс-Сити в его южной оконечности, а там наймет катер и на нем пересечет пролив Пайн-Айленд до яхт-клуба на Каптиве. В яхт-клубе есть подменная машина для яхтсменов, которая доставит его в любую точку острова. Ему нужно будет лишь вести себя как какой-нибудь ублюдок-яхтсмен с бездонным кошельком и раздавать двадцатки в виде чаевых.

Затем Смитбек отправил эсэмэску Краски, своему редактору, с сообщением, что берет освещение этой истории на себя, чтобы Краски не отдал ее кому-нибудь другому. Попросил довести до сведения всех заинтересованных, что это его, Роджера Смитбека, материал. Обрубки ног, прибитые к берегу, – у него аж мурашки бежали по коже от жуткой приглядательности этого.

Через три с половиной часа после выезда из Майами, иде-

ально воплотив в жизнь свой план, Смитбек помахал ручкой любезному джентльмену из яхт-клуба, который отвез его на южную оконечность острова Каптива. Каптива представляла собой узкий остров, престижный, с единственной дорогой посередине, от которой отходили ответвления к прибрежным домам стоимостью в миллионы долларов. Оглядев издали место преступления, Смитбек решил, что наилучший способ подобраться к нему поближе – это пройти через чей-нибудь двор на берег со стороны залива. Доступ с общественной парковки наверняка будет перекрыт, там все кишит полицейскими.

Смитбек выбрал пустующий, судя по виду, дом, проскользнул по подъездной дорожке, обогнул здание, пересек задний двор и обнаружил тропинку, идущую сквозь заросли морского винограда и хопбуша к широкой береговой полосе. В кустарнике он задержался, чтобы снять туфли и носки, засунул их в репортерский портфель и закатал брючины, чтобы выглядеть как местный пляжник.

Там, где тропинка выходила к берегу, она была перекрыта трепещущей на ветру желтой полицейской лентой. Смитбек посмотрел направо и налево: повсюду была натянута желтая лента, да и служивых нагнали немерено. Вдоль берега курсировали взад-вперед несколько судов береговой охраны, члены экипажей забрасывали сети в море и вылавливали обрубки ног. Берег патрулировался полицейскими – пешими и на специальных пляжных багги. Похоже, сюда свезли копов из

разных отделений – из Форт-Майерса и Санибела уж точно, – здесь же находились военные вспомогательной службы береговой охраны в синих комбинезонах. Два военных вертолета кружили в воздухе, но вертолетов прессы не было. Хорошо.

За лентой, отгораживающей берег от людей, Смитбек увидел множество зевак, наблюдающих за происходящим, возбужденно переговаривающихся, делающих фотографии и селфи. Но, осмотрев эту толпу в бинокль, он не заметил ни одного явного журналиста. Все эти шуты гороховые наверняка загнаны, как овцы, к мосту Блайнд-пасс. До острова добрался он один... по крайней мере, Смитбек на это надеялся.

На дальнем конце берега, близ бухточки, он увидел что-то похожее на временный командный пункт. Экран из белого пластика скрывал от глаз это место. Сердце операции находилось там, и туда ему необходимо было попасть.

Смитбек быстро проложил себе путь на юг между зеваками. Они ему еще понадобятся, чтобы взять несколько интервью – чем истеричнее, тем лучше. Но это может подождать. Через десять минут он добрался до места, наиболее близкого к командному пункту, – туда, где начиналось ограждение из белого пластика. С помощью бинокля он смог составить общее представление о том, что здесь происходит. Сюда приносили десятки светло-зеленых кроссовок, их описывали, прикрепляли к ним бирки, размещали в холодильных контейнерах для хранения вещдоков, а контейнеры, в свою очередь, загружали в багажное отделение машины «скорой

помощи». Из всех кроссовок, похоже, торчал обрубок ноги. Сердце Смитбека забилось чаще, к горлу подступила тошнота.

Он не мог расслышать, о чем говорится в плотной толпе начальства. Нужно было подобраться поближе. Смитбек огляделся и увидел, что одна из секций ограждения скрыта от глаз припаркованными на берегу патрульными машинами. Если он попытается проникнуть внутрь в этом месте, то его, возможно, не заметят, а там он смешается с техниками, детективами и другими людьми в гражданской одежде. Почти у всех на шее висели бейджи на шнурках. Его журналистское удостоверение тоже было на шнурке. Смитбек вытащил бейдж из портфеля, вынул карточку «Пресса» и засунул туда сертификат Профессиональной ассоциации инструкторов по дайвингу. На расстоянии сертификат выглядел вполне официально, а даже если бы кто и проверил, то мог бы подумать, что он какой-то авторитетный ныряльщик.

Смитбек раскатал брючины, надел носки и туфли, стряхнул с себя песок, пригладил волосы и повесил шнурок на шею. Репортерский портфель придаст ему вид человека, присутствующего здесь на законных основаниях.

Солнце низко висело над заливом, и припаркованные машины отбрасывали длинные тени. Смитбек не спеша прошел вдоль ограждения к тому месту, вид на которое перекрывался патрульными машинами, проворно достал карманный ножик, прорезал в ограждении откидной клапан, нырнул в него

и быстро пошел туда, где стояли машины, стараясь не попасться никому на глаза. Пока все шло хорошо. Напустив на себя деловой вид, он прошел за машинами и решительным шагом направился к командной палатке.

Никто его не остановил. И здесь ему здорово повезло: на столе, где лежали различные вспомогательные инструменты для сбора улики, стояла коробка с перчатками. Быстро натянув перчатки, Смитбек схватил маску и сетку для волос и тоже надел их.

Сердце его забилось еще быстрее, когда он понял, что добился-таки своего. Вытащив сотовый телефон, он сделал вид, что проверяет его, а на самом деле сделал десятки фотографий места происшествия: коробки с кроссовками, приход и уход полицейских и технического персонала, оборудованный на скорую руку командный центр – в общем, снял все.

Смитбек подошел туда, где обрубки ног укладывались в холодильные контейнеры. Снова притворившись, что проверяет телефон, он сделал еще несколько фотографий. Даже снял короткое видео. Бог свидетель, Краски это понравится – он всегда стонет, что на сайте нет ни одного видео.

Он услышал крик и повернулся. Его схватили сильные руки, и телефон был отнят у него разъяренным офицером береговой охраны, к которому тут же присоединился другой. Они были похожи, как близнецы, только один рыжеволосый, а другой черноволосый.

– Ты что тут делаешь, черт побери? – закричал рыжеволосый.

– Это журналист. Снимает тут, – сказал черноволосый, срывая со Смитбека маску и сетку для волос.

– Верните мне телефон! – потребовал Смитбек, стараясь говорить властным тоном, но голос его дрогнул.

Чем он себя выдал?

Рыжеволосый ухватил его за шнурок:

– Это что еще за дерьмо? Удостоверение дайвера? – Он фыркнул. – Я сейчас удалю твои фотографии.

– Пожалуйста, не делайте этого! Общество имеет право знать!

– Ты бы, приятель, лучше порадовался, что мы тебя не арестовываем. У нас и без тебя хватает говна.

Смитбек почувствовал, что эти двое подталкивают его вперед, ухватив с обеих сторон:

– Пошли, придурок. Тебе здесь нечего делать.

Неожиданно они остановились, и Смитбек услышал медовый голос:

– Боже милостивый, неужели это мой старый знакомый Роджер Смитбек?

Смитбек повернулся и оказался лицом к лицу не с кем иным, как с агентом Пендергастом. На мгновение он лишился дара речи.

Моряки береговой охраны, словно почувствовав неуверенность, ослабили хватку.

– Держите его крепче, джентльмены, – сказал Пендергаст, показав свой жетон. – Он скользкий. У меня с ним были дела.

– Мы застали его за фотографированием. Он даже обрубки снимал.

– Позор, – сказал Пендергаст, протягивая руку за телефоном. – Я их удалю, если позволите.

– Конечно.

Пендергаст взял телефон и начал с веселым видом просматривать фотографии.

– Мистер Смитбек, я вижу, вы воистину многогранный человек. Такое мастерское использование глубины резкости. Жаль, что вы не можете их сохранить.

– Агент Пендергаст, – взмолился Смитбек, – не делайте этого. Ради прошлого.

– Я не знаю, о каком именно прошлом вы говорите. В любом случае вы незаконно пробрались на место преступления и должны быть выпровождены. А эти фотографии – уничтожены.

– Я всего лишь выполняю свою работу.

– А мы – свою.

Смитбек продолжал упрашивать Пендергаста, глядя, как тот удаляет снимки. Двое береговых охранников одобрительно наблюдали за этим.

– Я думал, мы друзья! – взвыл Смитбек. – Не делайте этого!

– Уже сделано, – сказал Пендергаст, помахав телефоном. –

Вы получите телефон, как только окажетесь в безопасности за ограждением.

«Сукин сын», – подумал Смитбек. Но может, он получит хотя бы заявление, если уж ничего другого?

– Агент Пендергаст, по крайней мере, скажите мне, что тут происходит. У полиции есть какие-нибудь версии?

Пендергаст развернулся и махнул бойцам береговой охраны:

– Пожалуйста, выведите его за периметр.

– Подождите! Всего один вопрос!

Двое моряков взяли его за руки и повели прочь. Пендергаст следовал за ними.

Смитбек сделал еще одну попытку:

– Хоть какие-нибудь идеи? Догадки? Одно маленькое заявление – больше мне не нужно!

Пендергаст не ответил.

– Сколько обрубков? Ради всего святого, Пендергаст, назовите мне число!

Молчание.

Они дошли до желтой ленты, и Пендергаст поднял ее, выпуская Смитбека. Тот повернулся, и Пендергаст протянул ему телефон.

– Если попадешься здесь еще раз, – сказал рыжеволосый, тыча пальцем в грудь Смитбека, – мы тебя арестуем. Понял?

Все трое развернулись и пошли прочь. Смитбек смотрел им вслед, обливаясь потом и бранясь себе под нос. Затем он

проверил свой телефон, мрачно пролистал галерею. Фотографии и в самом деле исчезли. Хотя постойте: в его блокноте появилось только что напечатанное сообщение. Оно было коротким: «Проверьте корзину. В последний раз».

И действительно, в корзине лежала небольшая, но чрезвычайно хорошо подобранная коллекция его фотографий.

6

– Тут настоящий рыбный рынок, черт бы его подрал, – услышала Мойра Кроссли голос одного из сотрудников морга.

Тот распаковывал холодильный контейнер с обрубками ног, только что привезенный в машине «скорой помощи». Он выкладывал обрубки на медицинскую каталку, а другие работники регистрировали и фотографировали их, действуя конвейерным методом. Кроссли была главным судмедэкспертом Двадцать первого района, и она думала, что всякого повидала за многие годы работы. Каких только останков не выносило на берег, частичных и полных, и у некоторых имелись довольно странные особенности. Но это... это было за пределами всяких пределов. По предварительной оценке, более шестидесяти обрубков. Что это означает – более шестидесяти убийств? Если так, то они имеют дело с самым крупным массовым убийством в истории Флориды. А если эти люди все еще живы... то где они? И что с ними случилось? Это не поддавалось никаким объяснениям.

Обычно тихая и упорядоченная лаборатория Кроссли превратилась в суетливый муравейник, а пахло здесь и в самом деле, как на рыбном рынке, где товары на солнце быстро портятся. Ручейки морской воды бежали по полу к центральному сливу, перемешиваясь с извивающимися кревет-

ками и другими морскими существами, которые кормились обрубками, а теперь лишились питания.

Еще одна «скорая» привезла два новых контейнера, и общее число составило – господи боже! – более девяноста обрубков, все в одинаковой обуви. Чтобы разобраться с поступлениями, Кроссли вызвала на работу весь персонал – четырех техников и двух помощников патологоанатома. С последней партией приехал начальник полиции острова Санибел Перельман вместе с двумя детективами. Задействована была и полиция Форт-Майерса, не говоря уже о нескольких моряхах береговой охраны в форме, которые, похоже, вообще не представляли, что им нужно делать, – просто стояли, нахмутив брови, и пытались делать вид, будто заняты.

Но в этой группе беспорядочно толкущихся людей выделялась, словно больной палец, одна фигура – высокий бледный человек в белом льняном костюме, крахмальной белой рубашке и черном галстуке. У него было точеное лицо и глаза, сверкающие, как полированные десятицентовики. В то время как сам человек был неподвижен, словно греческая статуя, его глаза беспокойно обшаривали помещение, впитывая все.

Кроссли повернулась к своему помощнику Полу Рамо.

– Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим, – сказала она.

– Что начнем? – спросил он.

Техник Пол напоминал громадного плюшевого медве-

жонка, еле втиснувшогося в свой халат, с бородой как у викинга. Он был трудягой, всегда готовым угодить, но, увы, не самой яркой лампочкой в комнате.

– Возьми одну и принеси на первый стол. Будем делать иссечение.

– Сейчас?

– Нет, после дождичка в четверг.

– Ой, конечно, извините.

Схватив щипцы, Пол опасливо поднял обрубок, положил его в контейнер и отнес к одному из небольших столов у стены. Когда Кроссли взяла обрубок и положила на стол, Рамо включил видеорегистратор и проверил его.

– Инструменты.

Рамо положил на тележку хирургические инструменты и покатил ее к столику. Кроссли натянула маску и выбрала маленький пинцет.

– Прошу прощения, – раздался у нее за спиной голос, гладкий, как атлас.

Она повернулась и увидела бледного человека.

– Да?

– Я бы хотел наблюдать, если вы не возражаете.

Она понятия не имела, что он здесь делает. Этот человек не был похож ни на представителя правоохранительных органов, ни на медицинского работника.

– Простите, а вы кто, собственно? – спросила она.

Рука нырнула в карман и появилась с кожаным бумажни-

ком, который тут же раскрылся, предъявляя золотой с синим жетон, а над ним удостоверение.

– А, ФБР, – сказала Кроссли.

Кем бы ни был этот человек, он, вероятно – почти наверняка, – стоял на одну ступеньку выше остальных на иерархической лестнице. От него явно исходила властная аура.

– Специальный агент Пендергаст, – сказал человек, слегка кивнув.

Акцент определялся безошибочно и отличался от всех других южных акцентов, и Кроссли быстро узнала его по своему детству: этот изысканный южный говор высшего класса из Нового Орлеана был свойствен только старейшим семьям. Пендергаст... фамилия тоже была ей смутно знакома и не вызвала приятных ассоциаций.

– Старший медицинский эксперт Мойра Кроссли, – торопливо представилась она. – Пожалуйста, наблюдайте. Но только наденьте халат и не мешайте.

– Безусловно.

Она перенесла свое внимание на обрубок ноги на столе и при работающей камере начала общее обследование. Первым следовало описание. Кроссли осмотрела конец кости и отметила, что отделение конечности было крайне жестоким, осуществлялось тупым инструментом с тяжелым лезвием, после которого остались отметины и осколки. По-видимому, несколько таких ударов – не меньше шести, судя по отметинам на большой и малой берцовых костях, – отделили

часть ноги от остального тела приблизительно в двух дюймах над голеностопным суставом. Морские организмы пожрали плоть над суставом, оставив только кость. Но ниже этого плоть, защищенная кроссовкой, сохранилась. Она сильно распухла и вылезала наружу. Колонии крохотных морских организмов все еще цеплялись к сырой плоти – черви, амфиподы, личинки раков, морская вошь. Плоть была поедена, и Кроссли видела отверстия, в которые пролезли существа покрупнее.

– Пол, принеси мне контейнер с этанолом для образцов.

Пол приволок контейнер, и она с помощью пинцета осторожно извлекла столько образцов, сколько смогла найти, и опустила их в раствор для последующего обследования.

– Позвольте задать вопрос, – раздался бесстрастный голос у нее за спиной.

Кроссли почувствовала укол раздражения.

– Да?

– С какой стороны наносились удары?

«Хороший вопрос». Она еще раз осмотрела обрубок:

– Удары наносились сверху, по правой передней стороне ноги, беспорядочно, под углом приблизительно от сорока до семидесяти градусов к горизонтали.

– Спасибо.

Начальник полиции Перельман тоже надел халат и подошел, чтобы наблюдать за осмотром. Кроссли порадовалась этому. Ей нравилось работать с ним, и она надеялась, что он

будет полезен – сдержит чумной налет других следователей, не говоря уже о прессе.

Кроссли продолжила общее обследование по протоколу. Когда оно было закончено, пришло время снимать кроссовку, анатомировать обрубок и отбирать образцы для токсикологического и гистологического анализов.

– Можно еще вопрос? – раздался медовый голос.

– Что?

– Есть ли способ определить, подвергалась ли предварительно плоть замораживанию?

Этот вопрос удивил Кроссли. Подобный тест не приходил ей в голову, но, поразмыслив, она решила, что его, вероятно, следует сделать.

– Да, этот тест можно провести, и я сделаю такой запрос в гистологическую лабораторию. – Она повернулась к Полу. – Ножницы.

Пол подал ей ножницы, и она принялась срезать кроссовку.

– Прошу прощения, – снова вмешался голос, – но, если позволите, я бы хотел получить эту обувь как вещественное доказательство, когда вы закончите.

– Нет.

Она продолжила работать ножницами. Плоть из кроссовки ниже лодыжки расширялась, как перенадутый воздушный шарик.

Щелкали ножницы. Серая и розовая плоть опасно разбу-

хала. Кожа двигалась, как живая.

Щелкали ножницы...

И тут, словно взрыв какой-то гнили, изнутри выпрыгнуло существо. Это была миксина, самый дьявольский из кошмаров. Из-за неожиданного сброса давления струя миксиновой слизи брызнула на грудь и лицо Пола, на его бороду. Техник пронзительно вскрикнул и отпрыгнул назад, закрывая лицо ладонями, а миксина упала на пол, извиваясь и разбрызгивая слизь из своих желез, и поползла к центру комнаты.

– О господи, нет! – вскрикнула Кроссли, когда Пол, ослепленный, врезался в длинную каталку, на которой стояли обрубки.

Каталка перевернулась и с грохотом рухнула на пол. Обрубки разлетелись по полу, из них повыскакивали новые твари – миксины, крабы, угри, они извивались, корчились, издавали резкие звуки, ползали по плиточному полу среди струек морской воды, пережеванной плоти и совершенно невыносимого смрада. Началась жуткая кутерьма, когда люди отпрянули назад, спасаясь от волны слизи, поскользываясь и падая.

Кроссли в смятении смотрела на то, как организованная ею умная и профессиональная работа превращается в комедийный фарс группы «Три балбеса».

Она повернулась к агенту Пендергасту, который стоял в стороне от суматохи, обозревая происходящее с веселым выражением на лице. Он тоже повернулся к ней и заметил слизь

миксины, стекающую по ее халату.

– «Во всех явлениях природы, – растягивая слова, проговорил Пендергаст, – есть нечто чудесное».

– Вы называете это чудесным? – спросила Кроссли.

– Аристотелю бы понравилось, – заметил Перельман, еле сдерживая смех.

– Что ж, – сказала Кроссли в страшном раздражении, – мне тут придется вычищать всю эту грязь. Поскольку анатомирование практически закончилось, я прошу вас двоих покинуть мою лабораторию.

Когда они двинулись к выходу, она добавила:

– Кстати, агент Пендергаст, вы можете взять эту чертову кроссовку.

К бесконечному облегчению начальника полиции Перельмана, оперативная группа расположилась в просторном отделении полиции в Форт-Майерсе на Уидман-уэй, а не в его крохотных кабинетах за публичной библиотекой острова Санибел. Ему едва удалось втиснуться на парковку на своем «эксплорере». Он и два его лейтенанта, Таун и Моррис, вышли из машины. Перельман любил сам сидеть за рулем, когда была такая возможность, он ненавидел положенных ему по штату водителей и даже настаивал на том, чтобы возить своих подчиненных.

Первая встреча оперативной группы была назначена на одиннадцать, но Перельман приехал на полчаса раньше, отчасти потому, что выехал с запасом, опасаясь попасть в пробку, а главным образом для того, чтобы понять, что представляет собой глава группы Бо и как будет работать эта система. Он никогда раньше не состоял в оперативных группах, и его впечатление о Бо было неблагоприятным, но Перельман считал, что каждому нужно дать второй шанс. Если человек не оправдывал его ожиданий, он заносился в список неисправимых.

– «Честь, этика, ответственность, уважение, командная работа», – сказал Таун, глядя на фасад здания, на котором эти слова были написаны гигантскими буквами. – Надеюсь,

это не пустая трепотня.

– Будем предполагать лучшее, – откликнулся Перельман.

Он со своими лейтенантами вошел внутрь, и мрачный секретарь показал им, как пройти в зону оперативной группы – большой конференц-зал в задней части здания и примыкающее к нему пространство открытой планировки, заполненное техниками и рабочими, которые расставляли столы, компьютеры, большие экраны и доски. На первый взгляд это выглядело как достаточно эффективная и организованная операция. Надежда забилась в груди Перельмана: новые свидетельства того, что начало будет хорошим. В примыкающем коридоре имелось место, где можно было выпить кофе, чая, холодной воды.

Перельман напрямик устремился туда. Он налил себе чашку кофе, высыпал туда три пакетика молока со сливками и такое же количество пакетиков сахара. Отхлебнул. Прилично. Вполне прилично. Таун и Моррис тоже позаботились о себе и с чашками, над которыми поднимался парок, отправились в конференц-зал, где заняли место в первом ряду. Вскоре стали появляться и другие – капитан и два лейтенанта из полицейского отделения Форт-Майерса, поприветствовавшие Перельмана, и небольшая группа полицейских в форме. Каспар, начальник полиции Форт-Майерса, не появился. Это было похоже на Каспара: хотя он и нес номинальную ответственность за полицейскую часть расследования, но считал месяцы до ухода на пенсию, а недавно слег

с тяжелым приступом подагры и ничуть не возражал, чтобы руки пришлось пачкать его старшему персоналу и полицейскому отделению Санибела. Если расследование придет к счастливому концу, он неизбежно примет участие в финальной части, прихромает, чтобы предъявить права на не заслуженные им лавры.

Следующей в этом неформальном параде была Кира Марксон, мэр Санибела, в своей фирменной белой одежде для тенниса, невзирая на трагические события, а вероятнее, именно из-за них. Ее мрачное лицо просветлело, когда она заметила Перельмана и тот ответил на ее кивок. Прежде Марксон работала в руководстве одной пиар-компании, и это – вкуче с историей ее семьи на Санибеле, восходящей к дням паромной переправы, – оказалось неожиданной, но идеальной подготовкой для мэра. Она явно видела необычные задатки и в Перельмане, потому что начальником полиции он стал отчасти благодаря ее стараниям. Они хорошо сотрудничали, уважали зоны ответственности друг друга: она работала, чтобы люди были счастливы, он – чтобы они чувствовали себя в безопасности. Перельман знал, что Марксон не будет вмешиваться в его дела, если только он не попросит об административной поддержке.

Минуту спустя появилась судмедэксперт Кроссли с двумя помощниками. Лицо у нее было усталое, и Перельман подумал, что, вероятно, после его ухода из лаборатории вчера вечером случилось что-то еще, кроме происшествия с микси-

ной.

Он огляделся, выискивая взглядом того парня, Пендергаста, но не увидел его.

Вскоре плотной группой прибыл контингент береговой охраны, возглавляемый командером Бо в парадном мундире, за которым следовал другой персонал в парадной или рабочей униформе. Эта толпа производила сильное впечатление. Бо прошел в главную часть зала, остальные расселись по местам. Техник прикрепил к мундиру командера петличный микрофон. В зале воцарилась тишина, когда Бо подошел к трибуне и достал из кармана мундира свои записи. Ровно в одиннадцать часов в зал вошел агент Пендергаст и, вместо того чтобы сесть, прислонился спиной к задней стене и скрестил руки на груди. На нем был другой белый костюм, на этот раз определенно шелковый, а не льняной. Казалось, у костюма был слабый коралловый оттенок, но в искусственном освещении Перельман не мог сказать наверняка. Зато он мог наверняка сказать, что никогда прежде не видел агента ФБР, одетого подобным образом.

– Добро пожаловать, – заговорил Бо, оглядывая зал. – Я заместитель командера сектора береговой охраны Соединенных Штатов. И я буду возглавлять оперативную группу «Каптива». Оперативная группа состоит из представителей береговой охраны, полицейского отделения Форт-Майерса, судмедэксперта Двадцать первого района...

Перельман отключился на время перечисления структуры

и ответственностей. Когда это закончилось, Бо сделал драматическую паузу, оглядел зал свирепым взглядом и, ухватившись за края трибуны, начал говорить о самом преступлении.

– На данный момент, – сказал он, – на отрезок берега Каптивы протяженностью в милю вынесло девяносто девять зеленых кроссовок, в каждой обрубок человеческой ноги, грубо отсеченный выше лодыжки. Вам известны детали – они немногочисленны ввиду того, что предстоит провести еще немало анализов и тестов, – так что не буду на них останавливаться еще раз. Ключевым здесь является тот факт, что обрубки пробыли в воде около двадцати пяти дней. Нам это известно по развитию морских организмов, сопровождавших обрубки. А теперь я хочу обратиться ко всем полицейским начальникам и задать простой вопрос: нет ли у вас каких-либо версий на этот счет? Я дам вам минуту, чтобы вы посоветовались с вашими людьми.

Перельман посмотрел на своих лейтенантов:

– Есть предложения?

– Послушайте, – сказал Таун, – может, это какой-то безумный культ? Ну, знаете, вроде того парня из секты, Джима Джонса, или этих ребят из «Небесных врат», которые думали, что попадут на инопланетный корабль⁸.

⁸ Джеймс Уоррен «Джим» Джонс – американский проповедник, основатель секты «Храм народов», последователи которой, по официальной версии, совершили в 1978 году массовое самоубийство. «Небесные врата» – американский религиозный культ, последователи которого в 1997-м также совершили массовое

– Мм. Занятно. А ты, Моррис?

– В полном недоумении, но мысль о культуре представляет мне не хуже других.

Перельман кивнул.

– А что думаете вы, шеф?

– Понятия не имею, так что остановимся на культуре.

Коммандер поднял голову:

– Вы готовы? Заместитель начальника полиции Форт-Майерса?

Заместитель Каспара – чернокожая женщина лет пятидесяти с хвостиком – поднялась со своего места:

– Мы думаем, что эти обрубки – следствие какого-то медицинского эксперимента, возможно, их занесло сюда из Центральной Америки. Я говорю это потому, что обувь, в которой прибило к берегу обрубки, кажется похожей на ту, что носят в больницах медсестры. Но это чистые домыслы.

– Спасибо. Начальник отделения полиции Перельман?

– Мы предполагаем, с той же оговоркой про домыслы, что это какой-то культ конца света. При посвящении в который требуется расстаться с конечностью, и это делает священник или кто-то подобный.

– Спасибо. Специальный агент Пендергаст?

Долгое молчание. Все головы повернулись к человеку, стоящему в конце зала. Он медленно опустил руки и просто ответил:

– Я бы предпочел обойтись без предположений.

– Никто не собирается предъявлять вам претензии, если вы ошибетесь. Просто я этого хочу – предположений.

– Но это то, чего не хочу я, командер.

Повисла мертвая тишина, и командер закатил глаза:

– Вы имеете право на свое мнение. А теперь я обращаю этот вопрос к себе.

Перельман понял, что командер с самого начала вел именно к этому.

– Я бы хотел привлечь ваше внимание к жестокости ампутации, – начал Бо. – К казенной одинаковости обуви. К тому факту, что их прибило к берегу практически одновременно, а значит, они одновременно и были выброшены в океан. – Он помолчал. – Подумайте: какая близлежащая страна способна на такой варварский акт? Какая страна имеет самый большой процент арестованных в мире? Какая страна находится в девяноста милях от наших берегов?

За этим последовала долгая пауза.

– Куба.

Бо сделал еще одну паузу, чтобы до слушателей дошел смысл сказанного.

– У них много тюрем на берегу, а некоторые, вроде Комбинадо-дель-Эсте, принадлежат к самым жестоким в мире, там содержатся политические заключенные, их пытаются... и казнят. – Он подался вперед. – Хотя у нас пока нет никаких прямых доказательств, я бы предположил с большой долей

вероятности, что так или иначе эти обрубки ног приплыли с Кубы и являются следствием пыток.

Перельман не мог не признать, что версия неплоха. Но уверенность Бо вызывала у него неловкое чувство. Он слишком давно служил в полиции и не доверял версиям, если они не были подкреплены какими-нибудь вещественными доказательствами.

Бо покинул трибуну и направился к ближайшему столу, на котором лежали карты и тома морских исследований, охранявшиеся лейтенантом береговой охраны довольно невзрачной внешности. В зале поднялся гул, и Бо поднял руки:

– Давайте поговорим о назначениях заданий в самом общем плане. Береговая охрана будет отвечать за все расследования и операции, связанные с морем. – Он взял верхнюю карту и развернул ее. – Наш главный приоритет – проведение анализа всевозможных течений, отслеживание потоков, волн и ветров, чтобы мы могли убедиться, отправились ли эти обрубки в путешествие с Кубы или нет. Мы свяжемся с Министерством внутренней безопасности, чтобы получить секретные спутниковые изображения всех мест, представляющих для нас интерес. – Он откашлялся. – Полицейское отделение Санибел будет отвечать за целостность и сохранность в неприкосновенности непосредственного места преступления, будет патрулировать берег, подбирать новые обрубки, если появятся. Офис судмедэксперта Двадцать первого района продолжит проведение патологоанатомиче-

ской работы и тестов по останкам и связанным с ними вещественным доказательствам. Полиция Форт-Майерса будет собирать показания свидетелей, регулировать отношения с прессой и руководить всеми операциями правоохранения из вспомогательного офиса оперативной группы. Что касается Федерального бюро расследований... – он сделал паузу, отыскивая глазами Пендергаста, – то я прошу прочесать базы данных Национального центра по анализу насильственных преступлений на предмет наличия в ней чего-либо подобного, а также найти изготовителя кроссовок.

Перельман увидел, что Пендергаст поднял указательный палец, давая понять, что хочет задать вопрос.

– Да?

– Коммандер Бо, позвольте спросить, когда были выпущены эти карты?

– Вы имеете в виду даты? Когда они были созданы?

– Именно.

– Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Это самые точные из имеющихся карт. Просто течения и приливы фактически не меняются с годами.

– Да, но даты, пожалуйста.

– Как коммандер сектора береговой охраны, я провел более десяти тысяч часов в этих водах в качестве капитана или командира корабля. Я с полной уверенностью руководствуюсь этими картами каждый день. – Бо улыбнулся. – Агент Пендергаст, у вас есть какой-то опыт мореплавателя?

– Думаю, вы могли бы назвать меня сухопутной крысой. Тем не менее я бы очень хотел узнать время выпуска этих карт.

Бо с раздраженным жестом обратился к лейтенанту за столом:

– Дарби?

Лейтенант взглянул на нижний правый угол верхней карты.

– Девятьсот шестьдесят первый, – сказал он пронзительным голосом. Потом взял следующую карту. – Девятьсот шестьдесят пятый. – Следующая карта. – Девятьсот пятьдесят девятый.

– Спасибо, лейтенант. – Бо перевел взгляд на Пендергаста. – Вы удовлетворены?

Выражение на лице Пендергаста говорило о чем угодно, только не об удовлетворении.

– Агент Пендергаст, вы уже расписались в недостаточности морских знаний. Так что я бы предложил вам сосредоточиться на базах данных Национального центра по анализу насильственных преступлений и на поиске изготовителя, а океанографию предоставить нам. Или вам что-то не ясно в вашем задании?

– Нет.

– Спасибо. Хорошо, давайте же приступим.

Когда совещание закончилось, Перельман поискал взглядом Пендергаста, но тот уже исчез. Бо немного переборщил

с давлением на него, а Перельман чувствовал, что Пендергаст не из тех людей, которые долго будут терпеть такое к себе отношение: потерпит-потерпит, а потом случится что-нибудь... что-нибудь ужасно некрасивое.

По иронии судьбы, безуспешно поискав Пендергаста в зале после совещания, Перельман нашел агента на парковке – тот стоял, прислонившись к его «эксплореру» без полицейской раскраски.

– Ищете меня? – спросил Перельман, подойдя.

– Именно так, – сказал Пендергаст. – Хотелось бы поговорить.

– Конечно. Не желаете перекусить?

– Не очень. Я думал, может быть, мы прогуляемся по Тёрнер-бич.

Поначалу Перельману показалось, что Пендергаст шутит. Но улыбка агента была слишком слабой для какой бы то ни было попытки пошутить. Выйдя из здания полиции, Пендергаст надел дорогие солнцезащитные очки «Персол» и широкополую панаму. Теперь он еще меньше походил на агента секретной службы и еще больше... ну, скажем, на члена поло-клуба или даже на стильного наркобарона.

Работая в полиции, Перельман привык к разного рода эксцентричностям. Кроме того, ему было очень любопытно – он только не понимал почему – увидеть, что собирается делать Пендергаст. Подчиненные Перельмана из берегового патруля уже обеспечивали «целостность и сохранность в неприкосновенности непосредственного места преступле-

ния», предоставив ему временную свободу расследовать дело с более широкой перспективы. У Тауна и Морриса есть с полдюжины вариантов добраться до островов на попутной машине. Так что он просто пожал плечами:

– Конечно. Хотите поехать со мной?

– Если вы не возражаете.

Значит, машины у Пендергаста в настоящий момент не было. Перельман выкинул это из головы, и они сели в полицейский внедорожник. Перельман завел двигатель и выехал на бульвар Макгрегор, потом повернул на юг к Санибельскому мосту.

– Не возражаете против открытых окон? – спросил он.

Температура была немногим выше тридцати градусов при влажности сто процентов, но Перельман не любил кондиционеры.

– Да, я предпочитаю открытые, спасибо.

Пять или десять минут они ехали молча. Пендергаст разглядывал обсаженные пальмами улицы и, казалось, не спешил начать разговор. Наконец Перельман не выдержал:

– Как вы узнали, что это моя машина?

– Думаю, я мог бы дать вам целый список демаскирующих деталей: ненавязчивые фары-прожектора, скрытые замки задних дверей, пустой держатель для дробовика, другие безошибочно узнаваемые принадлежности фордовского полицейского перехватчика, но точку в деле узнавания поставил полицейский парковочный стикер с золотой каемкой на

лобовом стекле.

Перельман хохотнул, покачав головой. Ехал он быстро, и они уже миновали Кейп-Корал и приближались к мосту. Благополучно миновали несколько участков дорожных работ, огражденных оранжевыми конусами, проехали мимо знака, предупреждающего о первом перекрытии дороги. Несколько минут спустя они оказались на острове и поехали по Санибел-Каптиварауд к мосту Блайнд-пасс. Ажиотаж вокруг вчерашних событий – официальная реакция, и проблесковые маячки, и машины «скорой», и почти непрекращающийся вой сирен – немного спал, и постороннему глазу могло показаться, что центр маленького городка пребывает в почти обычном своем состоянии. На пути Перельмана три раза останавливали местные жители. Все они задавали одни и те же вопросы, и Перельман давал им одни и те же дружеские уклончивые ответы.

– Приятная деревенька, – сказал Пендергаст.

– Спасибо.

– Как вы стали начальником полиции?

– Хотите сказать, я, который меньше всего для этого подходит? – спросил Перельман.

– Вы первый мой знакомый полицейский, который цитирует Вергилия.

Перельману пришлось мысленно вернуться к их первой встрече, чтобы понять, о чем речь. Он пожал плечами:

– Я всегда любил Вергилия.

– Но вы к тому же первый мой знакомый полицейский, который бросил Еврейский институт религии в Нью-Йорке, причем всего за несколько месяцев до получения степени магистра талмудических исследований.

Перельман не знал, то ли удивляться, то ли чувствовать себя польщенным тем, что этот агент потратил время, чтобы раскопать его прошлое.

– Есть такая вещь – экзистенциальный кризис. У меня он случился во время подготовки магистерской диссертации. Я не знал, кем мне хочется быть – кантором, талмудистом, бродячим менестрелем или еще кем-то. Мысль о том, чтобы стать варваром, тоже меня привлекала – я бы неплохо пограбил Рим, – жаль только, время прошло. Но да, я оставил восточное побережье, пошел на запад и добрался до Северной Калифорнии. И там, в секвойном лесу округа Гумбольдт я стал свидетелем грозившего перейти в беспорядки противостояния между лесорубами и несколькими защитниками окружающей среды, разбившими лагерь на ветвях деревьев. Не спрашивайте меня почему, но я вдруг понял, что прибыл к месту назначения. Тут существовали две противостоящие друг другу силы – закон и защитники природы, – и я не знал, на чью сторону мне хочется встать.

– Что вы выбрали в конце концов?

– Ни то ни другое. Я стал посредником, занял ничейную позицию и разговаривал с обеими сторонами. Я понимал: обе по-своему правы, нехорошо нарушать закон, но нельзя

и уничтожать природу ради выгоды. Я поступил в Федеральное лесное управление. Мне казалось, что в этом качестве я лучше всего смогу посредничать. А оттуда я уже как-то перекочевал в правоохранительные органы.

– Полагаю, это тоже своего рода посредничество.

Перельман усмехнулся:

– Некоторые законы глупы. Некоторые люди глупы. Моя работа состоит в том, чтобы показать людям, почему мирное сосуществование лучше, чем противостояние или тюрьма.

– Магистр дзена с полицейским жетоном.

– Но иногда мне приходится повышать голос.

– И Санибел оказался подходящим выбором?

– Я не планировал приезжать сюда. Но одно цеплялось за другое. И если честно, я родился для того, чтобы жить в таком месте.

Они миновали пропускной пункт, проехали по мосту и остановились у командного пункта на парковке Тёрнер-бич. Берег все еще оставался перекрытым, но бóльшая часть тяжелой работы уже была проделана. Несколько криминалистов продолжали обшаривать окрестности, копать в песке. Катера береговой охраны патрулировали в водах за волноломом, не подпуская флотилию прогулочных судов.

Они вышли из машины, и Пендергаст замер на мгновение, оглядывая место действия своими необычными серебристо-голубыми глазами.

В командной палатке находились несколько сотрудников

департамента санитарии и несколько полицейских Перельмана, включая сержанта по имени Крэнфилд. Они сидели за складным столом и пили кофе. Когда появились Пендергаст и Перельман, люди за столом начали вставать.

Перельман дал им знак сидеть.

– Это агент Пендергаст из ФБР. Некоторые из вас, возможно, встречались с ним вчера. – Он обратился к Крэнфилду: – Еще какой-нибудь ужас прибило к берегу?

– За последние восемь часов всего один обрубок.

– А в остальном?

– Обычное недовольство с проездом, зеваки и любопытные журналисты.

Перельман кивнул:

– Оставляем наш статус в положении желтого уровня. Мы вернемся к этому вопросу через двенадцать часов. – Он повернулся к Пендергасту. – Значит, хотите прогуляться?

Они ступили под безжалостное солнце, пересекли асфальт, поднырнули под желтую ленту и вышли на песок. Пендергаст снова остановился.

– Горько видеть столько мусора в таком прекрасном месте, – сказал он.

– Место преступления, на котором еще работают криминалисты, не подлежит очистке. Мы не могли запустить механические грабли, после того как все это началось.

– Похоже, все важные вещественные доказательства уже найдены. Следствию наверняка не повредит, если ваши люди

помогут нам подобрать немного этого мусора.

«Подбирать мусор?» Пытаясь оставаться невозмутимым, Перельман снял с ремня рацию:

– Крэнфилд?

– Да, шеф?

– Пожалуйста, пришли Диксона и Рамиреса. С мешками для мусора.

Короткая пауза.

– Принято.

Минуту или две спустя двое служащих департамента санитарии появились из палатки с большими черными мешками. Вчетвером они медленно двинулись вдоль берега, Пендергаст по-прежнему в своих дорогих туфлях. Рамирес нагнулся, чтобы подобрать пластиковую тарелку.

– Тарелка ни к чему, – сказал Пендергаст. – Если не возражаете, мусор буду выбирать я.

И они пошли дальше, то и дело останавливаясь, когда Пендергаст подбирал что-нибудь – пакетик от чипсов, остатки растений, выброшенный на берег плавучий мусор, пластиковую крышку от кофе – и бросал в мешок, который держали сотрудники санитарии. Его выбор казался случайным. Перельман не помнил, чтобы когда-либо совершал более необычную прогулку.

– У вас есть карта, которую я просил? – сказал Пендергаст, рассматривая резиновое колечко и затем отбрасывая его на песок.

Перельман достал лист бумаги и вручил агенту. Это была карта берега, нарисованная от руки, с красными точками, обозначающими место, где был обнаружен каждый обрубок, прежде чем его поместили на высоту, недоступную прибою; тут же стояло приблизительное время находки. Агент запрашивал эту карту предыдущим вечером перед самым отъездом в морг.

Пендергаст остановился и принялся разглядывать карту:

– Превосходно, благодарю вас.

– Мой патрульный Лару зафиксировал эти находки. Он считает себя настоящим художником.

Они пошли дальше, Пендергаст – с картой в руке, которая, впрочем, никак не повлияла на их разыскания. Они шли, агент время от времени останавливался, разглядывал флажок, воткнутый в месте находки, или подбирал мусор, изучал его, потом клал в мешок или бросал на берег. На ходу он засыпал Перельмана вопросами: не случилось ли прежде чего-либо подобного – не с обрубками человеческих ног, но с какими-нибудь странными и кучно выброшенными на берег дарами моря? Не стоит ли опросить местных рыбаков? Много ли обычно выносит мусора на берег в дополнение к ракушкам? Как часто они убирают берег? Перельман старался ответить наилучшим образом.

Они приближались к дальнему концу пляжа, и Пендергаст остановился, уставившись на большой старый дом на дюнах за полицейской лентой.

– Какой прекрасный пример викторианской архитектуры приморского стиля.

– Это Мортлах-хаус – сказал Перельман.

– Почти идеальное место, хотя при таком расположении за дюнами дом кажется довольно беззащитным. – Пендергаст помолчал. – Он немного не на месте, по крайней мере, в сравнении с другими здешними домами. И кто там живет?

– Никто. Он приговорен к сносу.

– Жаль. – Пендергаст подобрал пластиковую бирку и бросил ее в один из распухших от мусора мешков. Потом выпрямился. – Возвращаемся? Думаю, я набрал достаточно мусора.

– Я не возражаю.

Они развернулись и пошли назад, Рамирес и Диксон тащили наполненные мешки.

– Должен признать, меня одолевает любопытство, шеф Перельман. Скажите, каково ваше мнение о версии командера?

– Он опытный моряк – провел на воде в качестве капитана десять тысяч часов, и его способности никто не оспаривает.

Ответ был недостаточно полный, и Перельман это знал. Он задумался на секунду, потом решил, что Пендергаст заслуживает его доверия. Почему именно заслуживает, он не был уверен.

– Бо принадлежит к старой школе, он привык к полному подчинению, отчего иногда его одолевает гордыня и он не

всегда готов слушать других. Но я работал с ним прежде. Я уважаю его опыт: целая жизнь на море. Его предположение, что обрубки прибило с Кубы, кажется мне вполне логичным. Куба меняется, но, к сожалению, там в тюрьмах все еще много диссидентов.

Пендергаст, идущий рядом с Перельманом, кивнул.

– С другой стороны... мы имеем дело не с осадкой, дрейфом и сносом катера береговой охраны водоизмещением в четыреста тонн. Мы имеем дело с обрубками ног в кроссовках, плывущими в воде. Не думаю, что кто-то имеет опыт в таких делах, даже командер.

Продолжая говорить, Перельман краем глаза заметил какое-то движение. Черный лимузин свернул с Каптива-драйв, двинулся по дороге, упиравшейся в пляжную парковку, и остановился, не доехав до ленты. Перельман нахмурился. Это еще что такое – какой-то новый чиновник приехал на выход к прессе? Перельман полагал, что уже встретился или переговорил со всеми управленцами города, советниками, начальственным резервом округа Ли, имевшими хоть самые малые властные полномочия.

Задняя дверь машины открылась, и он понял, что ошибался. Из машины в тень под пальмами вышла женщина. На ней была большая стильная шляпа с широкими полями от солнца и легкое светлое платье, покрой которого подчеркивал ее стройные формы. Она приблизилась, вышла из тени на солнце, и тут Перельман понял, что она не только очень

молода – не больше двадцати трех или двадцати четырех лет, – но еще и удивительно красива. Перельман был киноманом, и высокие брови и коротко стриженные волосы цвета красного дерева напомнили ему Клодетт Кольбер. Нет... еще сильнее для воображения начальника полиции было сходство с легендарно красивой Олив Томас, звездой немого кино, умершей в 1920 году.

Но тут видение из прошлого изящно наклонилось и проскользнуло под полицейской лентой, и чары разрушились.

– Эй, минуточку! – воскликнул Перельман.

Вдали он заметил двух полицейских, бежавших к черной машине. И ощутил легкое прикосновение к руке.

– Все в порядке, – сказал Пендергаст. – Она со мной.

Но молодая женщина остановилась сама, не желая зарываться каблуками в песок, и явно ждала их. Перельман дал отбой своим полицейским, и маленькая процессия – агент ФБР, начальник полиции, двое рабочих с тяжелыми мешками с мусором – двинулась к ней по песку.

– Констанс, – сказал Пендергаст, когда они приблизились, – это начальник местной полиции Перельман. Позвольте представить вам, шеф, мою подопечную и помощницу Констанс Грин.

Молодая женщина сняла солнцезащитные очки и посмотрела на Перельмана фиалковыми глазами:

– Рада с вами познакомиться.

Низкое контральто, среднеатлантическое произношение,

и Перельман снова почувствовал странное дуновение из далекого прошлого.

– Удивлен, что вижу тебя здесь, но рад, – сказал ей Пендергаст. – Что побудило тебя покинуть Эдем?

– Я думаю, это была встреча с деревом познания.

– Даже обаяние рая со временем бледнеет.

– Я дочитала «À rebours». И мне пришло в голову – после того как шеф безопасности закончил объяснять мне подробности обращения с его Эм-шестьдесят, – что с моей стороны эгоистично оставаться в стороне, погрязнув в роскоши, пока ты, предположительно, трудишься здесь над расследованием. Не знаю, буду ли полезна в этом, но, по крайней мере, могу составить компанию.

– Очень любезно.

– Мне сказали, что ты остановился в мотеле «Фламинго выю», – она произнесла название мотеля так, словно это была разновидность слизняка, – но, приехав туда, я предположила, что это какая-то ошибка, и не рискнула войти внутрь и спросить.

– Увы, не ошибка. Уверен, что ответственный заместитель директора хотел заказать мне более подходящее место. Но я собираюсь в ближайшее время расставить все по своим местам.

– Только не надо ничего менять из-за меня. Насколько я понимаю, сон в лачуге укрепляет характер.

Пендергаст повернулся к Перельману, который с любо-

пытством слушал их разговор:

– Спасибо, что удовлетворили мою просьбу и мой интерес к мусору. Я был рад поговорить с вами. Не сомневаюсь, что мы вскоре увидимся.

– Заезжайте вечером, если будете свободны. Если я не вожусь со своим катером, то вы найдете меня на веранде – я играю на гитаре, попиваю текилу и делаю вид, что читаю поэзию. Миз Грин, рад был с вами познакомиться. – Кивнув своим рабочим, Перельман двинулся к командной палатке.

– Одну секунду, пожалуйста! – услышал он голос Пендергаста. Агент показывал на два мешка с мусором. – Позвольте мне освободить вас от этого груза.

Перельман нахмурился:

– Что?

– Вы были настолько любезны, что привезли меня сюда. Ваши люди были настолько любезны, что таскали эти мешки, пока я наполнял их мусором. Минимум, что я могу сделать, – это избавить вас от необходимости избавляться от него.

– Но зачем?...

Перельман замолчал, поняв, что не услышит прямого ответа. Он кивнул двум рабочим, и те последовали за Пендергастом и его подопечной к лимузину, где Пендергаст попросил их положить мешки в багажник. После чего рабочие вернулись к шефу, и все трое проводили взглядом сверкающую черную машину, которая развернулась в три приема и поехала на юг через мост, к мотелю «Фламинго вью».

9

Роджер Смитбек поднялся по наружной лестнице в убогое жилище на чердаке, стараясь идти беззвучно, чтобы не разбудить обитателя первого этажа. Подъем был труднее, чем прежде: пятая порция черного «Джонни Уокера» со льдом оказала сильное воздействие на его мозжечок.

Он добрался до лестничной площадки и на мгновение остановился, тяжело дыша и впитывая в себя ночной пейзаж. Повсюду вдоль берегов рукотворного канала стояли такие же небольшие дома в стиле кейп-код. Он слышал шум машин, поющие голоса, слабый рокот прибоя и бесконечное гудение насекомых.

Открыв дверь, Смитбек включил свет, прошел по комнате к глубокому мягкому креслу и рухнул в него. Он вытащил из кармана свой сотовый и быстро нашел фотографии, украдкой снятые сегодня. Слава богу, они сохранились... и были приличного качества. Смитбек умел использовать наиболее скандальные приемы репортажа, но, поскольку в баре было темно, он беспокоился, что не получится.

Он опустил руку с телефоном на пол и закрыл глаза. Комната тут же начала вращаться. Смитбек открыл глаза и взглянул на часы. Начало десятого. Краски все еще у себя в кабинете – он никогда оттуда не выходил, если нужда не припирала.

После того как его бесцеремонно выставили с места преступления, Смитбек вернулся на материк, где взял свой «субару» и поехал обратно на Санибел – что само по себе было пыткой, – намереваясь снять номер в мотеле. Но в связи с наплывом прессы номера стали такой же редкостью, как куриные зубы. Даже в самых паршивых мотелях у входа светилось объявление «свободных мест нет». В конечном счете он был вынужден снять за безумные деньги «номер на втором этаже» у частного домовладельца – пенсионера, работавшего прежде в почтовом ведомстве. «Номер» состоял из одной комнаты и ванной, к ним придался хозяин, который утомлял его своей болтовней всякий раз, когда Смитбек попадался ему на глаза. Хуже того, дом находился в самой непривлекательной части острова, известной как Гумбо-Лимбо, – неподалеку от моста и далеко от Тёрнер-бич. Но немалым плюсом было то, что к «номеру» прилагалось разрешение на посещение пляжа; в этом разрешении он назывался резидентом, а таковой имел право свободно гулять по острову... до тех пор, пока не попадет на глаза рыжеволосому ублюдку из береговой охраны. Конечно, резиденты имели не больше прав приближаться к месту преступления, чем нерезиденты, но теперь его передвижение хотя бы не ограничивалось и он мог проходить через пропускные пункты.

Однако проблема с получением информации оставалась. Когда Краски увидел фотографии и услышал историю, он практически наделал в штаны от радости и рассыпался по-

хвалами в адрес Смитбека за этот эксклюзив. Похвалы от редактора «Геральд» были большой редкостью, и Смитбек наслаждался ими. Но то были вчерашние новости. Порадовавшись, Краски захотел еще, к нему быстро вернулись его ворчливый тон и требовательность.

В отличие от покойного брата Билла, тоже репортера, Роджер Смитбек предпочитал во время работы быть незаметным. Один из навыков, освоенных им во время прогулок по Майами, состоял в том, чтобы определять рестораны и бары – какие из них для туристов, какие для местных, какие для копов, какие для уголовников и так далее. И потому он провел вечер, переходя из одного многообещающего бара на Перивинкл-уэй в другой, пил сельтерскую воду и держал уши остро. В конечном счете эта стратегия привела его в «Рифбар», где он встретил некоего Пола Рамо. Рамо был дружеским гигантом, он работал медицинским техником в море и за последние тридцать шесть часов повидал столько, что испытывал насущнейшую потребность утопить увиденное в море алкоголя, а если конкретнее, то в высокоградусном крафтовом пиве, сваренном на сушеном хмеле. Смитбеку удалось сесть на высокий табурет рядом с ним, и вскоре они стали если не закадычными друзьями, то по меньшей мере собутыльниками.

Рамо, похоже, мог вместить в себя столько пива, сколько позволяли его немалые размеры. И Смитбек счел необходимым во имя товарищества и ради вящего доверия переключо-

читься с сельтерской на виски.

Он покачал головой и заставил себя сесть в кресле. Боже милостивый, нужно успеть передать это, прежде чем он заснет. Смитбек еще раз торопливо просмотрел фотографии, потом открыл свой список контактов и нажал кнопку.

Ответ последовал после первого же звонка:

– Краски.

– Привет, босс.

– Смитбек, я ждал твоего звонка. Что у тебя есть для меня?

Ну просто птенец с широко раскрытым клювом, обезумевший от голода. Неужели вчерашняя удача уже перешла в разряд древних историй? Смитбек, который интересовался теорией игр, решил, что лучшая стратегия – поиграть на терпении Краски и немножко его подразнить.

– Тут, вообще-то, жестко. Реально говорю, жестко.

– Ну?

– Нечто беспрецедентное, то есть ничего подобного еще не случилось. Власти действуют интуитивно. Начали с полного перекрытия информации.

– Ты что, пил? Слова глотаешь.

– Исключительно по служебной необходимости, уверяю тебя.

– Ладно. Продолжай.

Смитбек не ответил. Он в уме сложил, сколько порций пива он купил Рамо, и теперь размышлял, сможет ли окупить

их все или нет.

– Роджер? – спросил Краски. – Ты здесь?

– Да, босс.

– Так что у тебя есть?

– Местные ничего не знают, я тут поспрашивал. Но я снял комнату, и у меня хорошее расположение – если что случится, я уже тут, на месте.

– Теперь, когда ты на месте преступления, ты сам знаешь, что нужно *копать*.

– Они это дело так плотно закрыли – плотнее ослиной жопы.

Тишина на линии. Потом раздраженный вздох.

– Смитбек, я восхищен тем, как ты влез в это дело. Но если уж ты мой лучший криминальный репортер, то я жду от тебя продукта, а на таком горячем деле это должно произойти не на следующей неделе. Вчера ты проявил настоящую инициативу, так куда же она пропала сегодня?

«Лучший криминальный репортер». Это уже кое-что. Смитбек знал, что дальше морочить Краски опасно, на этом слезливую историю про перекрытие информации нужно заканчивать.

– Я как раз к этому подхожу. У меня есть продукт.

– Правда? – Раздражение мгновенно сменилось нетерпением. – И что?

– Типа какое количество обрубков вынесло на берег. Их число перевалило за сотню – как тебе такое? И они провели

в воде довольно долгое время. Около месяца.

– Ни хрена себе! И откуда они?

– Никто не знает. Они делают анализы ДНК и другие тесты всякого рода.

Смитбек услышал скрежет кресла, когда Краски подъехал на нем поближе к столу.

– Что еще?

– Это больше, чем есть у кого-либо другого.

«И мне пришлось потратить целый вечер, чтобы напоить ошарашенного медтехника и выудить из него эту информацию». Но Смитбек решил утаить самую круть... по крайней мере, он надеялся, что все это обернется крутым делом.

– Ладно. – Краски знал, что спрашивать Смитбека об источнике бесполезно. – Ты все это запиши и немедленно пришли мне.

– Работаю над этим.

– Хорошая работа, Роджер. Продолжай в том же духе, – сказал Краски и отключился.

Смитбек разлегся в кресле. Он хорошо поработал.

Но он сделал больше. Гораздо больше. Когда Пол Рамо напился до чертиков и вечной дружбы, Смитбек от всего сердца предложил ему обменяться номерами телефонов. Рамо дал ему свой номер. А Смитбек предложил ввести свой номер в телефон Рамо, позвонив ему.

Именно это ему и требовалось: Рамо достал свой телефон, чтобы проверить, и не стал убирать, когда Смитбек принял-

ся разглагольствовать о том, как ему нравится футляр для смартфона от «Оттербокс». Это навело Рамо на разговор о том, что он по своим обязанностям имеет дело со многими отвратительными и опасными жидкостями, а потому надежный футляр от «Оттербокс» идеально его устраивает, особенно еще и по той причине, что ему почти каждый день приходится использовать телефон для работы.

Потом он положил аппарат на стойку бара.

Там наверняка был океан информации. Но как до нее добраться? И тут Смитбек нашел воистину мудрый ход: он сделал несколько урологических замечаний, в том числе сказал, что от пива у него словно кран открывается, поэтому он пьет только скотч, и его слова вскоре произвели желаемый эффект – Рамо отправился отлить в туалет.

Как только тот исчез из вида, Смитбек прикоснулся пальцем к экрану, чтобы не дать телефону уйти в спящий режим, и подтащил аппарат к себе. У него было шестьдесят секунд, чтобы вытащить из него информацию. Электронное письмо потребовало бы слишком много времени. По той же причине он отказался от голосовой почты и эсэмэсок. Но фотографии – делал ли Рамо фотографии на работе? Смитбек залез в галерею и увидел, что их десятки. Он быстро просмотрел целую кучу реалистичных жутких фотографий ног в разных стадиях работы патологоанатома – от первоначального состояния до освежеванных, скелетизированных. Рамо оказался очень хорошим фотографом, каждый снимок отличался

четкостью и точным выбором ракурса.

Фотографии вызвали отвращение, хотя ни на одной из них не было ничего примечательного. А потом, когда оставались секунды, Смитбек наткнулся на золотую жилу. Три удивительные фотографии в ряд, изображения одного предмета.

Своим собственным телефоном он быстро переснял одну за другой три эти фотографии. И теперь, мысленно оценивая свои успехи, он испытал такое удовлетворение, что в темноте своего «номера» снова разбудил телефон и пролистал фотографии, сделанные с экрана телефона Рамо. Эти три фотографии представляли собой крупный план верхней части обрубка снаружи от лодыжки до места отделения. Кожа вокруг этого места была сморщенная, неровная, а кость, выступавшая из выцветшей в морской воде плоти, выглядела отвратительно. Но там на коже была ясно видна татуировка, почти полностью попавшая в кадр. Крест, окруженный молниями, и какие-то буквы. Буквы немного расплывались, но с этим он мог кое-что сделать.

Смитбек не собирался вот так сгоряча выкладывать все это Краски. Ему нужно было еще потянуть за эту ниточку. Он загрузит фотографии в свой ноутбук, сделает их порезче, чтобы прочесть буквы. Потом спрашивает под секретом – может, кто-то знает про такие татуировки или даже где их делают. И если он прав, то это может привести к громадному прорыву в его карьере. Нужно прямо сказать: Краски близок

к уходу на пенсию, и тогда... «Роджер Смитбек, главный редактор» – как это ласкает слух!

Поднявшись с кресла, он выключил телефон и подошел к единственному столу в комнате, где его ждали ноутбук и история, которую он обещал Краски.

Памела Гладстон направила исследовательское судно «Левкотея» из реки Калузахатчи ко входу в гавань Лега-си-харбор и дальше к пристани. Причаливание было делом нелегким, к тому же его затруднял ветер с моря, задувавший со скоростью около двадцати узлов. Когда она приблизилась к пирсу, по правому борту от нее выросли башни Хай-Пойнт-плейс, отбрасывавшие на воду длинные предвечерние тени. Приближаясь с минимальной скоростью, Гладстон вырулила к пристани и мягко уткнула катер в отбойный брус, чтобы его не унесло, пока она сбавляет обороты и выполняет правый разворот.

– Займись кормовым швартовом, – сказала она своему постдоку⁹ и по необходимости старшему помощнику Уоллесу Лэму, стоявшему в готовности у планширя.

Уоллес точно – на сей раз – кинул швартов, и пирсовый рабочий аккуратно набросил его на судовую утку.

– Держи швартов, я даю вперед, – сказала Гладстон, ведя судно так, чтобы прижаться к кромке пирса всем правым бортом сорокашестифутового судна – от носа до кормы.

Она перевела двигатель в нейтраль. Когда остальные швартовы были закреплены, Гладстон облегченно вздохну-

⁹ *Постдок* – молодой ученый после присуждения ему докторской степени.

ла: швартовка прошла удачно, она не выставила себя идиотской, как это случилось в прошлый раз, когда она ударилась кормой о сваю. Полная жопорукость, и, естественно, все это видели, и ей пришлось писать рапорт о происшествии, хотя ни пристань, ни судно ничуть не пострадали, если не считать непривлекательной полосы черной резины на белом покрытии борта.

Плавание прошло неплохо. Они успешно извлекли оба акустических доплеровских измерителя течения. Потерять один из этих приборов стоимостью в двадцать тысяч долларов было бы катастрофой. Теперь Гладстон хотелось поскорее загрузить эти данные и посмотреть, отвечают ли они математической модели.

Она установила руль в нуль, перевела все органы управления на штурвале в выключенное положение и тут заметила через окно мостика человека на причале, высокого и бледного, в трепещущем на ветру белом костюме. С панамой на голове он был похож на наркобарона-альбиноса, ожидающего выгрузки товара. Он устался на ее судно, и Гладстон показалось, что он смотрит прямо на нее через окно мостика. Ей стало любопытно, как человек такого нелепого вида попал на частный причал, ведь было очевидно, что он не моряк.

Приведя все в порядок и заполнив электронный журнал, Гладстон выключила рубильники и вышла из рубки. Лэм тоже все закончил и теперь переносил измеритель течения на двухколесную тележку на пирсе. Человек в белом направил-

ся прямо к Гладстон. Она отвернулась и принялась поправлять бухту грязного каната, надеясь, что человек уйдет.

– Доктор Гладстон? – раздался вкрадчивый голос.

Она повернулась:

– Да?

– Я специальный агент Пендергаст.

Он протянул руку, но, вместо того чтобы пожать ее, она подняла обе свои, мокрые и грязные от приливного ила на канате:

– Прошу прощения.

Человек убрал руку и вперился в нее сверкающими глазами:

– Я бы хотел поговорить с вами.

– Приступайте. – Она остановилась. *Специальный агент.*

Это что, ФБР? – Пойдите, у вас есть жетон или что-то в этом роде?

Он плавным движением достал бумажник, продемонстрировал жетон и убрал бумажник в карман.

– Не могли бы мы пройти в вашу лабораторию для конфиденциального разговора?

– О чем?

– О Каптиве.

– Ни в коем случае. Извините.

Гладстон повесила сумку на плечо и быстро пошла по пирсу. Лэм попытался догнать ее, толкая тележку, и она ускорила шаг, стараясь уйти от человека в белом. Но он без труда

ее догнал.

– Насколько я понимаю, вы изучали направления потоков за последние пять лет, – заметил он.

– Я сказала «нет». Я дошла до середины исследовательского проекта, мой грант почти исчерпан, аренда моего исследовательского судна истекает на следующей неделе, стоимость аренды увеличивается, мой бойфренд бросил меня, и я не хочу иметь ничего общего с этими ногами, выброшенными на берег.

– Почему нет, если позволите?

– Потому что это будет бедлам. Серьезный, жаркий политический бедлам, в котором наука – настоящая наука – будет потеряна. Я это уже проходила... поверьте мне.

Она пошла еще быстрее, но агент не отставал, казалось даже не ускоряя шаг. Обычно Гладстон могла обогнать кого угодно, и нынешняя ситуация лишь усилила ее раздражение.

– Доктор Гладстон, я рад, что вы упомянули ваше исследовательское судно. Если не считать этой уродливой полосы на корме, оно прекрасно.

Они дошли до конца пирса. Лэм практически бежал, чтобы не отстать. «Киа-соул» Гладстон стояла, слава богу, поблизости. Найдя машину глазами, она подняла брелок, нажатием кнопки отперла двери, издавшие электронную трель, и направилась к машине по кратчайшему пути. Она дошла до машины, села и хотела было захлопнуть дверцу, но человек в белом ухватился за верхнюю кромку ее и наклонился

к Гладстон.

– Пожалуйста, уберите руку с моей машины. – Она дернула дверь на себя, но у него была крепкая хватка.

Он улыбнулся ей:

– Доктор Гладстон, мне жаль, что у вас столько неприятностей, но об одной вы можете больше не беспокоиться – я говорю об аренде судна.

– Что вы имеете в виду? – спросила она после некоторой паузы.

– Я позвонил в «Марин лизинг» в Калузахатчи. Ваша аренда продлена. И они любезно указали мне, где я могу вас найти.

– Постойте... как это?

– Понимаете, доктор Гладстон, ФБР нужно это судно. И конечно, вместе с вами.

Начальник полиции П. Б. Перельман сидел в зале совещаний вместе с Тауном и Моррисом и слушал с растущим раздражением, как океанограф береговой охраны, по фамилии то ли Макбин, то ли Макбун, гнусавым голосом сопровождал бесконечную презентацию в «Пауэр пойнт», причем его зеленая лазерная указка мелькала, как кошка, гоняющаяся за мышкой. Изображение за изображением, карта за картой Перельман совершал большое путешествие по южной части залива и Карибам вокруг Кубы.

Коммандер Бо в полевой синей форме стоял рядом с океанографом, скрестив руки на груди, и внимательно слушал, наклонив голову и серьезно морща лоб.

Сменялись картинки на экране, а в конце была показана анимация – сложные завихрения и ветра Кольцевого течения, знаменитого океанографического явления, зарождавшегося на юге и несущего свои воды в Атлантику, где оно соединялось с Гольфстримом.

Из презентации Перельману стало ясно, что по существу никакие комбинации течений и ветров не могли принести обрубки с Кубы на остров Каптива, за одним исключением. По мере того как Кольцевое течение смещалось на север вдоль побережья Юкатана и в залив, от главного потока отделялся устойчивый водоворот, называемый Мариэльским,

он омывал северо-восточное побережье Кубы от залива Мариэль до Плайя-Каренеро. Плавающий предмет, брошенный в воду при низком приливе у этой береговой линии протяженностью в двадцать миль, мог быть отнесен на север к материковому побережью Флориды, где наталкивался на естественное препятствие – островную цепочку Санибел-Каптива. И, заключил Перельман, реверсивное прослеживание Мариэльского потока и Кольцевого течения указывало, что при определенных условиях такому предмету для прибытия на острова понадобится около трех недель плюс-минус несколько дней, что совпадало с оценкой нахождения обрубков в воде в двадцать пять дней.

Закончив презентацию, океанограф сошел с трибуны, и на нее поднялся командер с мрачным и серьезным лицом. Ухватившись узловатыми руками за края трибуны, он уставился на людей, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, словно демонстрируя недавнюю стрижку – седой ежик.

– Спасибо, лейтенант Макбат, – сказал он хриплым голосом.

И немного выждал, позволяя тишине охватить зал.

– Мы все помним, – медленно начал он, – бегство из Мариэля, когда более ста тысяч кубинцев, освобожденных из тюрем и больниц для душевнобольных, набивались на суда и плыли на север, наводняя Соединенные Штаты. Эта история получила такое название, потому что беженцы отплывали из

кубинского порта Мариэль.

Он огляделся.

– Они приплыли именно оттуда не случайно. У входа в гавань Мариэль на стороне бухты, обращенной к заливу, находится печально известная тюрьма Эль-Дуэнде. Это мрачное заведение давно известно тем, что там содержат и пытаются политических заключенных. Многие обитатели Эль-Дуэнде тогда присоединились к иммигрантам, тюрьма практически опустела.

На экране появилось спутниковое изображение с грифом «СЕКРЕТНО»: обширный тюремный комплекс, окруженный стенами и оградами, распростерся за входом в гавань.

– Но коммунистический режим на Кубе вскоре снова заполнил Эль-Дуэнде.

Коммандер начал новую презентацию в «Пауэр пойнт» – спутниковое изображение растянувшегося вдоль берега комплекса тюрьмы.

– Вы видите съемку, сделанную Министерством внутренней безопасности. Это процветающее – если позволено употребить такое слово – заведение вмещает приблизительно двенадцать тысяч заключенных.

Он показал несколько спутниковых изображений: приезжающие и отъезжающие автобусы, входящие и выходящие заключенные, дворы, заполненные заключенными во время физической зарядки, и тому подобное. Перельман слушал с интересом, пока коммандер пересказывал слухи об ужасах

Эль-Дуэнде.

– Наша первоочередная версия, – завершил он, – состоит в том, что эти обрубки – следствие пыток и массовых казней. Оказались ли обрубки в воде случайно или намеренно – вопрос интересный, но в настоящий момент неуместный. Так или иначе их прибило сюда, и наша задача состоит в том, чтобы найти ответы. – Он выпрямился. – Есть вопросы?

Раздался гул голосов, и вопросы посыпались один за другим. Таун наклонился к Перельману:

– Неплохая теория, если хотите знать мое мнение.

– Не хуже других, – вынужден был признать Перельман.

Однако его смущало то, как быстро береговая охрана остановилась на этой теории, отменяя другие. Он огляделся в поисках Пендергаста – есть ли у того новые провокационные вопросы, но агента ФБР нигде не было видно.

Когда вопросы закончились, командер продолжил:

– Итак, каким будет следующий шаг расследования? Мы попросили Министерство внутренней безопасности предоставить нам подробные сведения об Эль-Дуэнде в тех временных рамках, когда обрубки ног могли попасть в океан, чтобы посмотреть, не наблюдалось ли там в этот период какой-то необычной активности. МВБ также проверит перехваты радиотехнической разведки за это время и просмотрит архив Управления морской разведки, агентурные сведения. – Он оглядел зал. – То, что я вам сейчас сообщу, засекречено.

В зале воцарилась тишина.

– Через несколько дней береговая охрана вышлет сторожевой корабль под моим командованием к Мариэлю для проведения операции по сбору данных. У нас есть корабль быстрого реагирования класса «Сентинел», имеющий нужные нам характеристики, он вышел с базы в Порт-Шарлотт. У него самое современное оборудование для обработки информации, высокочувствительные зонды, увеличенная ширина волны для обмена информацией, обмен данными по автоматизированной информационной системе и другие модернизированные средства. На полетной палубе имеется вертолет «Дод ХХ-60», полностью интегрированный в программу модернизации Национальной системы реагирования и оказания помощи при чрезвычайных ситуациях.

Перельман отключил слух. Господи, у этих вояк с их системами совсем крыша поехала. Он знал, что кубинская береговая линия находится под постоянным наблюдением ВМФ, так что ничего необычного в этом не было. Необычным представлялось лишь то, что кораблем будет командовать сам Бо. Но с другой стороны, он казался человеком амбициозным, готовым погоняться за славой. Если все это приведет к раскрытию дела, то он получит еще больше власти.

Совещание закончилось, и люди начали расходиться. Перельман поднялся вместе с Тауном и Моррисом.

– Интересно, куда делся Пендергаст? – вслух подумал он. Таун фыркнул:

– Странный он гусь. Что он делает с этим собранным мусором? Хотелось бы мне увидеть лицо менеджера из мотеля «Фламинго вью», когда Пендергаст принес туда эти вонючие мешки.

– Он остановился во «Фламинго вью»? – спросил Моррис. – Я думал, у федералов бюджеты побогаче.

– Может, он просеивает мусор в надежде найти карту капитана Кидда, на которой указано, где спрятаны сокровища? – сказал Таун.

Перельман не ответил. Он размышлял об этом, после того как Пендергаст уехал со своей подопечной, и в конечном счете пришел к выводу (который показался ему вполне обоснованным) относительно того, что Пендергаст собирается делать с этим мусором. Странно, почему Бо не сделал того же... и почему сам Перельман этого не сделал, если уж на то пошло. Гусь-то он странный, это точно, но и чертовски умный.

Памела Гладстон отперла дверь своей лаборатории и придержала ее, пропуская вперед агента ФБР. Маленькое помещение было заполнено всевозможным электронным оборудованием – компьютерами, мониторами, терминалом Автоматизированной системы наблюдения за поверхностью под эгидой Национального управления океанических и атмосферных исследований.

– Можете убрать со стула эти справочники, – сказала Гладстон, указывая на табуретку. – На полу им самое место.

Пендергаст переложил книги на пол, но садиться не стал. Вместо этого он огляделся вокруг; его глаза, как обычно, сверкали. Вошел Лэм в фирменных красных кедах с высоким верхом и вклинился в тесный уголок, служивший ему рабочим местом. Гладстон села в собственное просторное кресло и откинулась назад, сцепив руки перед собой. Она посмотрела на Пендергаста:

– Ну хорошо. Вы хотели поговорить? Давайте поговорим.

– Я консультировался с разными источниками, и, насколько я понял, у вас есть нетрадиционные теории, касающиеся моря и течений.

Гладстон невольно улыбнулась:

– Нетрадиционные? Вы как будто описываете мои политические воззрения.

– Я ненавижу политику, а в настоящий момент еще сильнее, чем когда бы то ни было. Меня интересуют исключительно ваши океанографические воззрения.

Она отбросила с лица светлые волосы. Соленый ветер всегда делал их непокорными.

– Мои теории. Хорошо. Что ж, они включают хаос. Я хочу сказать, в математическом смысле. Вы знакомы с так называемым эффектом бабочки? Взмахнет в Африке бабочка крылышками, а во Флориде – ураган.

– Да, я знаком с этой причудливой идеей.

– Причудливой, – с усмешкой пробормотал себе под нос Лэм.

Гладстон сердито посмотрела на него.

– Это, конечно, преувеличение, но на самом деле имеется в виду, что мельчайшие изменения изначальных условий в системе могут иметь гигантские последствия, нарастая как снежный ком. Мы с Уоллесом применяем эту математическую концепцию к океаническим течениям. К сожалению, большинство моих коллег считают, что мы ошибаемся.

– А вы ошибаетесь?

Она не ожидала такого вопроса.

– Все зависит от того, что вы имеете в виду под «ошибаетесь». Я уверена, что мы на правильном пути, но мы получаем неверные результаты. Это нетривиальная проблема. Мне нужно время. И больше информации. Те, кто считает, что мы на неправильном пути, это другое дело. Им не хватает

воображения. Они... как бы это сказать... глуповаты.

Тонкие губы Пендергаста искривились в ироничной, едва заметной улыбке.

– По моему опыту, большинство людей немного глуповаты. Чтобы не сказать больше.

Гладстон не смогла сдержать смех, как и Уоллес. У этого человека, несмотря на его суровый вид, было забавное чувство юмора. Она продолжила:

– Океанические потоки подчиняются строгой логике. Прилив – вода приходит, отлив – вода уходит. Кольцевое течение движется так и так, на предсказуемый манер. Все это отражено здесь, в картах. Проблема в том, что, когда вы выпускаете в океан поплавки с навигационными трекерами, вы не можете предсказать, куда приплывет каждый отдельный поплавок. Вы выпускаете их все вместе, а они уплывают кто куда. Вы выпускаете их в разных местах, а они сбиваются в кучу. И вот мы с Уоллесом пытаемся создать фрактальную математическую модель для объяснения этого эффекта.

– Я ее уже создал, – сказал Лэм. – Сам.

Агент неторопливо кивнул. Она не знала, сколько он в самом деле понял из сказанного. Прочсть что-то на его мраморном лице было невозможно.

– Как работает эта модель? – спросил он.

– Уоллес, давай, умник.

Лэм демонстративно откашлялся:

– Гм. Мы начинаем с того, что превращаем поверхность

моря в миллионы векторов и проводим фрактальный матричный анализ, который показывает развитие каждого вектора во времени с учетом различных начальных условий температуры воды и воздуха, ветра, приливов, волн, течений, солнечной энергии и других факторов. В конечном счете мы получаем многомерную карту Пуанкаре океанической поверхности. Расчеты мы делаем с помощью суперкомпьютера Q во Флоридском Атлантическом университете. – Лэм наклонил голову. – Я понятно говорю?

Агент Пендергаст откинул назад голову.

– Карта Пуанкаре? И это все? А почему вы, черт возьми, не использовали одиннадцатимерный матричный аттрактор Рамануджана?

Лэм опешил:

– Мм... что?

– Я думаю, наш гость шутит, – сказала Гладстон.

– О-о-о, – протянул Лэм.

Она поняла, что он привык к монополии на иронию в лаборатории.

– Нет, у меня нет никаких вопросов, – сказал Пендергаст, – по той простой причине, что я понятия не имею, о чем вы говорили.

– Но я пытался излагать как можно проще, – сказал Лэм с ухмылкой, приходя в себя.

– Не имеет значения. – Агент посмотрел на Гладстон. – Насколько хорошо работают ваши модели?

Гладстон улыбнулась:

– Вынуждена сказать, что пока мы получаем полное говно.

Агент поморщился, и она, к своему удивлению, поняла, что ее вульгарность оскорбила его.

– Но они будут работать, я в этом уверена. Позвольте, я вам покажу размер проблемы. Уоллес, ты можешь включить видео поплавка?

– Почему бы и нет?

Лэм подошел к терминалу и начал манипуляции. Вскоре появилось изображение восточной части Мексиканского залива и побережья Флориды.

– Уоллес сейчас покажет вам анимацию отслеживания всех поплавков, на которые у нас есть данные, за последние двадцать лет. Этих поплавков тысячи.

На карте появились черные линии, зачертившие почти каждый дюйм, а еще через несколько секунд закрывшие весь экран.

– Вы видите, какое это сумасшествие.

Гладстон показала на большой волосистый пучок линий, которые шли из Карибского моря вдоль побережья полуострова Юкатан, сворачивали в залив, огибали западное побережье Флориды, обтекали острова и устремлялись в Атлантический океан, оставляя в заливе множество завихрений и водоворотов.

– Это то самое знаменитое Кольцевое течение, – сказала она. – Но как видите, хотя в него укладываются многие

линии, есть сотни линий, которые выбирают другой путь. И именно эти линии-исключения я и пытаюсь встроить в нашу математическую модель. Уоллес – гений, и, как вы выяснили, никто не понимает его уравнений.

– Мы продвигаемся вперед, – сказал Лэм. – И я бы не стал называть наши последние результаты говном. Мы уже дошли до стадии полуговна.

Гладстон рассмеялась и продолжила:

– Еще одно. Результаты наших моделей опровергают традиционную мудрость морских волков – знатоков залива, мудрость, накопленную поколениями седых мореходов. Молодая женщина вроде меня и американский яйцеголовый китаец вроде Уоллеса... ну что мы можем знать? Мы, мягко говоря, непопулярны. Итак... чем мы можем вам помочь, агент Пендергаст?

– Я хочу проследить путь этих обрубков на остров Каптив. Проследить их до места, где они оказались в воде. Вы можете это сделать?

Она подозревала, что именно к этому они и придут.

– Можно попытаться.

– Вы сумеете сохранить информацию, которой я с вами поделюсь, в полной тайне?

– За продление аренды моей посуды я подпишу соглашение о неразглашении своей кровью.

– В этом нет необходимости. Скажите, что вам требуется, чтобы проделать анализ.

– Для начала мне понадобится вся информация, какая у вас есть, как можно более точная, о том, где и когда был выброшен на берег каждый обрубок. Если есть какие-то видео или фотографии, это очень поможет. С ними выбросило на берег что-то еще?

– Обычные обломки и всякий плавучий хлам – морские водоросли, щепки, разный мусор.

– Кто-нибудь его собрал?

– Да.

– Принесите его мне.

– У меня два полных мусорных мешка.

– Замечательно. Мы любим мусор из моря. Каждый предмет рассказывает историю своего путешествия.

– Превосходно.

Гладстон нахмурилась:

– А береговая охрана не проводит анализ такого же рода? Я не хочу никаких осложнений с ними. По-простому говоря, они нас не любят.

Пендергаст помолчал, прежде чем ответить:

– Я полагаю, разумно предположить, что все заинтересованные стороны будут проводить похожий анализ. Это наиболее очевидный путь расследования. Однако береговая охрана, по крайней мере те люди из береговой охраны, которые занимаются расследованием, принадлежат, что называется, к «старой школе». У них есть новейшие технологии, но они предпочитают опираться на собственный мор-

ской опыт, включая карты полувековой давности. Я убежден, что они недооценивают сложность проблемы... вероятно, очень сильно недооценивают. Я знаю о метеорологии достаточно, чтобы понимать: естественные системы Земли не всегда предсказуемы. Поэтому я бы предпочел работать с кем-то, кто предпочитает современные инструменты и теории и вряд ли отринет возможные результаты только потому, что они не отвечают общепринятой мудрости. В любом случае о вашей роли никто не узнает.

– Справедливо. Тогда скажите, что думает береговая охрана?

– Что обрубки принесло из кубинской тюрьмы.

– По-моему, это разумное предположение.

– Проблема в том, что это только предположение. Теперь они пытаются подогнать имеющиеся у них данные для подтверждения этой версии.

– А вы считаете, что это называется ставить телегу впереди лошади?

– Это кардинальная ошибка любого уголовного расследования.

Гладстон кивнула. Она не сомневалась, что закончится все это какой-нибудь жуткой заварухой. Она вовсе не была уверена, что сумеет провести надлежащий анализ, – Пендергаст был прав, когда сказал, что проблема сложная. Но ведь нельзя же отказать ФБР, правда? И потом, в этом бледном человеке в светлом костюме было что-то странно магнетиче-

ское. С интеллектуальной точки зрения.

Лорен Мейфилд, эсквайр, размышлял над последними страницами особенно сложного безотзывного траста, когда в дверь его кабинета постучали. Он с облегчением отложил документ и сказал:

– Войдите.

Дверь открылась, и его секретарь Эвелин просунула голову внутрь:

– Пришла женщина, которая звонила вам сегодня утром и просила ее принять, мистер Мейфилд.

– Хорошо. Пожалуйста, пригласите ее.

Мейфилд отодвинул в сторону документ по трасту и поправил галстук. Женщина отказалась сообщить, зачем хочет его видеть. Будучи адвокатом, Мейфилд любил тайны. Чем таинственнее, тем больше шансов получить хороший гонорар. Но когда женщина вошла в его кабинет, Мейфилд на какое-то время забыл о деньгах. Она была молода и необыкновенно красива. А ее платье, хотя и чопорное и консервативное, не могло скрыть очертаний ее тела.

Он встал, и его инстинкты адвоката тут же дали о себе знать.

– Рад познакомиться с вами. Меня зовут Лорен Мейфилд. Прошу, садитесь.

Он умышленно не завел разговор о хорошей погоде за ок-

ном, или о том, как прекрасно выглядит его посетительница, или о других подобного рода светских пустяках.

– Меня зовут Констанс Грин. Спасибо, что согласились принять меня в срочном порядке.

– С удовольствием.

Когда первоначальное удивление прошло, Мейфилд понял, что одежда этой женщины не просто чопорная, а категорически старомодная. Никто на Санибеле не носил платья по щиколотку, да и шлепанцы на босу ногу считались здесь вполне приемлемыми. Возможно, она из американских амишей¹⁰ или принадлежит к какой-нибудь другой старинной христианской секте. Он посмотрел в окно, но не увидел на улице никаких трехколесных велосипедов. Не важно, он вскоре все выяснит. Мейфилд положил руки на стол и переплел пальцы, полностью отдавая свое внимание посетительнице.

– Чем могу служить, миз Грин?

– Я к вам по поводу Мортлах-хауса.

– Вот оно что.

Возможно, этим объяснялся покрой платья. Не хочет ли она использовать дом для какой-нибудь фотосессии? Если так, то ей следует поторопиться.

– Мне сказали, что со всеми запросами нужно обращаться

¹⁰ *Амиши* – одна из самых консервативных религиозных групп в протестантизме. Ее приверженцы ведут традиционный образ жизни, считают неприемлемым пользоваться многими современными благами цивилизации.

к вам.

Мейфилд кивнул:

– Да, я представляю интересы нынешнего владельца дома.

– Отлично. Мы хотим его арендовать.

– Мы?

– Мой опекун и я.

– С какой целью?

Может быть, хотят устроить бал-маскарад, подумал Мейфилд. Что-нибудь эксцентричное.

– С целью поселиться там, естественно. Он идеально расположен.

Услышав это, адвокат не смог сдержать усмешку:

– Извините, миз Грин, но, к сожалению, это невозможно.

– Почему? С этим домом какие-то проблемы?

– Нет. Его тщательно обслуживали.

– В нем кто-то живет? Или в нем нет мебели, или он требует уборки?

– На все вопросы ответ отрицательный. Мортлах-хаус нельзя сдать в аренду, потому что через несколько дней назначен его снос.

Эта информация не удивила молодую женщину. Она с удивительным хладнокровием разгладила на себе платье.

– Понимаю. И все же к какому-то соглашению мы могли бы прийти.

Мейфилд отрицательно покачал головой:

– Миз Грин, жаль, что вы не обратились ко мне пять лет

назад.

– Пять лет назад я была не в состоянии арендовать этот дом.

– Нет. Я хотел сказать, что пять лет назад такое предложение показалось бы даром Божиим. А теперь, к сожалению, просто слишком поздно.

Миз Грин вскинула брови в немом вопросе. И хотя Мейфилд был адвокатом, он почувствовал искушение отказаться от своей естественной сдержанности и упомянуть одну-две подробности. Это, по меньшей мере, задержало бы привлекательную женщину в его кабинете еще на несколько минут и отсрочило бы его возвращение к безотзывному трасту.

– Мой клиент приобрел Мортлах-хаус чуть меньше десяти лет назад, когда дом был в гораздо худшем состоянии. Он живет на севере – на территории большого Нью-Йорка – и полагал, что это будет неплохим вложением в недвижимость, сдача в аренду на зиму и тому подобное. Он заменил крышу, некоторые подгнившие бревна, обставил дом по-новому, сделал ремонт, перекрасил. Но арендаторы подворачивались редко, и завлечь их было нелегко. – Он подался вперед. – Вы знаете, что такое маленькие городки с их слухами.

– Я полагаю, вы имеете в виду убийство.

Мейфилд тут же откинулся на спинку кресла:

– Да. Оно произошло в две тысячи девятом году. Я не знаю всех подробностей, известно только, что хозяина убили – убили топором, судя по найденным вещественным доказа-

тельствам, – а убийцу так и не нашли. Естественно, исчезновение тела породило слухи гораздо более активные, чем при других обстоятельствах. – Мейфилд вытянул губы. – Эти сведения должны были присутствовать в информации о собственности. Но вместо этого владельцы выждали некоторое время, чтобы слухи улеглись, а потом продали дом кому-то нездешнему, незнакомому с историей.

– Покупатель мог бы подать в суд.

– К сожалению, я не могу вдаваться в подробности такого рода, тем более что не представлял его интересы до завершения сделки. Мой клиент полагал, что кардинальная перестройка сотрет прошлое. К сожалению, так не случилось, и опять все из-за этих островитян и их слухов.

– Ваш секретарь сказала мне, что, сколько ни перекрашивали стены, на них все равно проявлялась кровь. И те немногие, кто оставался здесь на ночь, сообщали о стуках, а один или два раза о звоне цепей, слабый звук которых слышался в ночные часы.

Ему придется поговорить об этом с Эвелин.

– Нелепо, не правда ли? Как бы то ни было, мой клиент терпеливо сохранял дом в идеальном состоянии, но, поскольку эта чепуха никуда не девалась, все возможные арендаторы так или иначе прознавали об этих историях, и дом вместо выгодного вложения стал пылесосом, выкачивающим деньги. Застройщики давно интересовались этим местом, хотели построить кондоминиум, и мой клиент решил, что

пришло время снести этот дом. – «И получить неплохую прибыль», – подумал Мейфилд. – Попросту говоря, это не дом, а обуза.

– Но я вам уже сказала: мы хотим его арендовать.

Мейфилд печально покачал головой:

– К сожалению, сделка уже заключена.

В кабинете на несколько секунд воцарилось молчание, затем миз Грин сказала:

– Жаль уничтожать такой прекрасный дом. Меня удивляет, что местное историческое общество никак не вмешивается.

– Нет, они сделали все, что было в их силах. Устраивали демонстрации со свечами, собирали средства раз за разом. Но мой клиент принял решение, и закон о зонировании оказался на его стороне, а они не смогли собрать столько, сколько он хотел получить. Может быть, если бы то убийство было раскрыто, дела пошли бы иначе, но оно все еще среди нераскрытых дел, и поэтому... – Мейфилд развел руками, демонстрируя тщету всяких дальнейших усилий.

Пока он говорил, его посетительница записывала что-то.

– На мой вкус, нераскрытое убийство – это всего лишь вишенка на торте. Если вы сможете проветрить и убрать дом, мы переедем туда завтра.

– Но, миз Грин, я вам объяснил, что...

Женщина с треском оторвала полоску бумаги и подала ее через стол. Мейфилд увидел чек одного частного нью-

йоркского банка, выписанный на его фирму в размере десяти тысяч долларов. Почерк был старомодный и уверенный. В строке для примечаний было написано: «Неделя № 1».

«Неделя номер один?»

– Могу я рассчитывать, что эта сумма остановит бульдозеры и шары для сноса зданий... по крайней мере, временно?

Мейфилд посмотрел на чек, перевел взгляд на женщину, потом снова на чек.

– Я...

Миз Грин, похоже, приняла это за согласие, потому что поднялась со стула:

– Огромное спасибо, что уделили мне внимание. За ключом мы заедем завтра днем. В четыре часа, если не возражаете?

Не дождавшись ответа, она улыбнулась, чуть-чуть наклонила голову, потом повернулась и покинула кабинет.

Агент Пендергаст вошел в комнату – отчасти кабинет, отчасти лабораторию, – выделенную ему доктором Кроссли в низком, песочного цвета здании, в котором размещался судмедэксперт округа Ли. Там уже находился другой человек, невысокий и худой, по виду лет пятидесяти. Его темные волосы, разделенные пробором посередине, были прилизаны и блестели, как у студента из Итона. Когда вошел агент, человек быстро поднялся. Рядом с ним находился столик на колесах, на котором лежали четыре непрозрачных пакета для вещдоков.

– Мм, мистер... Куорлз, если не ошибаюсь? – сказал Пендергаст. – Огромное спасибо, что согласились работать с нами по этому делу.

– Рад помочь, агент Пендергаст, – сказал человек, пожимая протянутую руку. – Питер Куорлз, эксперт-криминалист, ГОП.

– Да-да. ГОП?

– Группа обуви и покрышек.

– Да, конечно.

– Как только ваша посылка была доставлена в Хантсвилл вчера утром, я отбросил все дела и начал заниматься вашими образцами. Бюро придало этому делу высший приоритет.

– Отлично. С нетерпением жду, что вы расскажете. – Пен-

дергаст сел и предложил Куорлзу сесть напротив за небольшой стол для совещаний. – Расскажите мне про группу обуви и покрывок. Прежде я в Бюро не сталкивался с этой специализацией.

– Самые ответственные экспертизы по покрывкам проводят в Куантико, а все остальное – в Хантсвилле. «Обувь и покрывки» не совсем корректно, конечно, поскольку существует масса предметов, которые требуют специальных знаний, и каждый из нас в группе был вынужден расширять свою специализацию. Помимо обуви моя сфера включает шляпы, галстуки и мужское нижнее белье.

– Понятно.

– Но только трусы. Шорты отправляют в Куантико.

– Я даже не догадывался.

Мистер Куорлз довольно кивнул:

– И если позволите, я похвалю вашу пару.

– Прошу прощения?

– Вашу пару обуви. Джон Лобб, если не ошибаюсь. Прекрасный пример ручной работы.

– Вы очень добры. – Пендергаст закинул ногу на ногу и демонстративно посмотрел на пакеты с вещдоками.

– Впрочем, что это я трачу ваше время на любезности!

Куорлз поднялся, подкатил столик на колесах и отрегулировал его высоту так, что пакеты оказались чуть выше стола для совещаний. Пендергаст знал, что в каждом пакете по одной из прибитых к берегу кроссовок (две правые и две ле-

вые) разных размеров, включая и ту, что разрежала судмед-эксперт.

– Я тщательно проанализировал все четыре. Поскольку они безусловно изготовлены на одном предприятии и идентичны, я упрощу отчет, сфокусировавшись на одной из них, – сказал Куорлз, натягивая перчатки.

Он выбрал один из пакетов, снял с него печать и извлек содержимое. Хотя кроссовка все еще представляла собой единое целое, она дышала на ладан: ее разрежали вдоль и поперек, пробили, из нее вырезали столько кусков для проведения анализов, что она скорее напоминала ошипанную птицу, чем кроссовку. Куорлз поставил располосованную обувь перед Пендергастом. В ноздри агенту ударил слабый запах морской воды и тухлой рыбы.

– Вам, как человеку, знающему толк в хорошей обуви, вероятно, не нужно объяснять традиционный процесс ее изготовления: создание колодки, растяжка кожи, распаривание верхней части, добавление подкладки, язычка, линии для простежки и так далее. Это, – сказал Куорлз и для вящей убедительности потряс кроссовкой так, что она затрепыхалась в его руке, – не принадлежит к такой обуви. Это дешевое массовое изделие почти наверняка китайского производства. Оно создано для специальной среды, а не для повседневной уличной носки. Это явно не модный продукт, его назначение строго утилитарно. В нашей базе данных я не нашел ничего похожего на это.

– Какого рода специальная среда?

– Есть масса условий, требующих специальной обуви.

Есть одноразовая обувь, нетканые пенные шлепанцы без задника для спа, отелей и всякого такого, обычно они имеют цветовую кодировку, определяющую размер. С другой стороны спектра – тяжелые ботинки в полиэтиленовой оболочке, используемые в биологически опасных средах или стерильных помещениях. Этот экземпляр не принадлежит ни к одному ни к другому виду.

Пендергаст кивнул, призывая эксперта продолжать.

– Если обувь сопротивляется определению, мы должны обратиться к ее составляющим, поискать ответ в них. – Курлз взял со стола маленький металлический инструмент, похожий на стоматологический. – Эта обувь – я использую этот термин в самом общем его смысле – дешевая, из низкопробных материалов, в ней отсутствуют многие стандартные компоненты, как, например, внутренняя подкладка. Верхняя часть образована с помощью процесса, известного в отрасли как МСМ – спанбондовый полипропилен между двумя слоями мультблаунового полипропилена. Обычно такая обувь имеет три или четыре пласта материала, но здесь мы видим только два – еще одно свидетельство дешевизны. Внешние слои не вплетены в воздухопроницаемый материал. Это делает их водонепроницаемыми за счет комфорта владельца.

– Водонепроницаемыми?

– Да. Эти кроссовки, а точнее будет назвать их специализированными башмаками, используются в помещениях, где на полу может находиться жидкость, например в больницах, домах престарелых, кухнях, мастерских, тюрьмах, производствах – местах такого рода. Эта обувь слишком дорогая, чтобы ее выкидывать после одного раза, но слишком дешевая для долгосрочного использования. И это добавляет два других любопытных аспекта.

– А именно?

– Верхняя часть МСМ прикрепляется к нескользящей подошве с помощью контактного клея: очень дешево. Линия соединения скрыта вот этой трубочкой. – Куорлз показал своим инструментом на тонкий резиновый элемент немного темнее, чем зеленый цвет снаружи; эта резинка проходила горизонтально по поверхности над подошвой. – Мы проверили: она из обычного полиэфира. Ее использование в более дорогой обуви преследует чисто декоративные цели, чтобы скрыть соединение между верхней частью и подошвой. Но это производство низкого пошиба, и у полоски неконтрастный цвет. К тому же все это сделано крайне небрежно.

Он показал места, где резинка болталась свободно, не была прикреплена к основанию или полностью от него отвалилась.

Пендергаст кивнул:

– Интересно. А другая любопытная деталь?

– Она довольно странная. Когда мы исследовали верхние

части, они показали положительную реакцию на антибактериальную обработку. Это типичная особенность «безопасной обуви», какую носят в хирургической зоне, лаборатории, стерильных помещениях, даже в кухне отеля. Но на такой обуви почти всегда верхние части ЭВА, и они дорогие.

– ЭВА. Полагаю, это означает этилен-винил-ацетат.

– Я смотрю, вы изучали химию. Совершенно верно: водонепроницаемые, гибкие, но тяжелые и крепкие в целях защиты. Как видите, этот башмак нельзя назвать крепким. И он явно не тяжелый – этот образец весит от сорока до сорока четырех граммов. И ЭВА здесь не использовали.

– Тогда зачем защищать такое дешевое изделие антибактериальной обработкой?

– Вот и я о том же.

– Очень интересно, мистер Куорлз.

– У меня все. Есть вопросы?

Наступила тишина – Пендергаст погрузился в размышления. Наконец он шевельнулся на стуле:

– Вы знакомы с подробностями этого дела?

– Я читал сопроводительные материалы, сэр.

– И ничего хотя бы отдаленно похожего в базе данных Национального центра анализа насильственных преступлений.

– Ничего, – кивнул Куорлз.

– Вы упомянули, что, возможно, их изготовили в Китае.

Не могли бы вы уточнить?

– С удовольствием. В Китае три или четыре района, в ко-

торых развита обувная промышленность, у каждого района своя специализация. Есть город Цзиньцзян в провинции Фуцзянь. Этот город называют обувной столицей Китая, там технологически продвинутое оборудование. Затем есть провинция Вэньчжоу. Там самое большое число производителей, но они изготавливают обувь для внутреннего потребления. Есть еще Дунгуань в провинции Гуандун. Там фабрики поменьше, более специализированные, нишевые изготовители.

– Понятно, – ответил Пендергаст. – И вы бывали в тех местах?

– Прежде чем поступить в ФБР, я три года проработал в оптовой торговле. Был посредником по сбыту избытков крупных заказов. Или по покупке и продаже неполных партий.

– Отлично. Знакомство с рынком и обширные знания обуви, которые вы сейчас продемонстрировали, делают вас логично обоснованным выбором.

– Выбором? – спросил Куорлз, побледнев. На его лице появилось удивленное выражение. – Вы же не предполагаете... отправить меня в Китай на поиски производителя?

– А кого еще, если не вас? Мы должны выяснить, кто изготавливает такую обувь.

– Но это невозможно! Китайский обувной оборот почти семьдесят миллиардов долларов в год. Послушайте, в одном только Дунгуане полторы тысячи фабрик – многие из них

размером не больше ресторана.

– И все же вы должны попытаться. Возьмите эти образцы и показывайте их, где только можно. Воспользуйтесь вашими местными контактами, не раскрывая, конечно, подробностей. Nǐ huì shuō Zhōngwén ma? – спросил он. – Вы говорите по-китайски?

– Pǔtōnghuà, – рассеянно ответил Куорлз. – На путунхуа. – и вздрогнул, поняв, что неосознанно перешел на другой язык. – Вы знаете мандаринский?

– Похоже, как и вы. Отлично! Вы должны отправиться немедленно.

Губы Куорлза несколько секунд беззвучно шевелились.

– Это довольно-таки неожиданно...

– У меня разрешение ответственного заместителя директора Пикетта, – продолжил Пендергаст. – Это не будет операцией с ограниченным бюджетом, воспринимайте это скорее как шикарный банкет. Вы полетите первым классом, вы сможете останавливаться в отелях по вашему выбору, у вас будет щедрый счет на служебные расходы. Обнаружение изготовителя этой обуви станет критическим фактором в раскрытии этого дела.

Куорлз не ответил. Но его глаза выдавали, о чем он думает: продвижение по службе и громадный скачок вверх в платежной ведомости.

– Мне нужно вернуться в Хантсвилл, взять кое-какие вещи.

– Конечно. Возвращайтесь сюда – скажем, в это время завтра? – и мы обсудим рабочие параметры вашего расследования. Потом посадим вас в Майами на самолет. А пока еще раз благодарю вас за неоценимую – и продолжающуюся – помощь. – С этими словами Пендергаст встал и направился к двери. Подойдя к ней, он остановился. – И еще, мистер Курлз.

Эксперт, собиравший пакеты с вещдоками, повернулся к нему:

– Да?

– Не забудьте взять ваши... трусы.

Коммандер Бо стоял на мостике сторожевого корабля береговой охраны США «Чикеринг» и смотрел в бинокль на подернутое туманом побережье Кубы. Штурвальный сбросил скорость корабля до четырех узлов и вел судно за пределами двенадцатимильной зоны параллельно берегу.

– Мистер Петерман, сбросьте скорость до двух узлов, – сказал Бо. – Курс прежний.

Бо чувствовал работу дизельных двигателей, которые слегка сбросили обороты, отчего изменился характер вибраций, но не фактический звук. Ручной бинокль был ни к черту не годен. Коммандер положил его и перешел к навигационной станции на мостике, где перед электронными картами, трансиверами и экранами радаров стоял старший помощник.

– Мистер Рама, я бы хотел взглянуть на тюрьму в электронный телескоп.

– Да, сэр.

Старший помощник занялся настройкой аппарата, и на экране вскоре появилось изображение берега. День стоял жаркий и влажный, и картинка была нечеткой, мерцала. Вдоль побережья по левому борту корабля растянулась гигантская серая тюрьма. Эль-Дуэнде. Вход в бухту Мариэль находился чуть дальше, где были видны сновавшие туда-сю-

да рыбацкие лодки и небольшой военный корабль кубинского ВМФ, который в этот момент входил в гавань и исчезал за мысом.

Бо уставился на экран. Что-то происходило на берегу перед тюрьмой – там что-то делала группа людей. Видимо, это были заключенные, судя по универсальной оранжевой одежде. Тут же присутствовала и охрана в зеленой одежде. Но изображение в неясном предвечернем свете было нечетким, фигуры людей появлялись и сливались друг с другом, как призраки.

– Мистер Рама, вы можете сделать порезче?

– Да, сэр. Работаю над этим.

Изображение чуть подпрыгнуло. То, чем занималась эта группа людей, не казалось чем-то обычным. Они стояли тесной толпой: заключенные в окружении охраны.

– Господи, мистер Рама, вы это видели? – Бо не поверил своим глазам. Или это была игра воображения?

– Видел, сэр.

– Прокрутите назад и запустите снова в замедленном просмотре. На втором экране.

Запись вернулась назад на минуту, а потом поползла вперед на втором экране.

– Здесь! Остановите!

Господи Иисусе, это походило на обезглавливание. Но этого не может быть... или может?

– Мистер Рама, скажите, что там, на ваш взгляд, проис-

ходит?

– Сэр, я не уверен. Это похоже на... насильственные действия.

– Может быть, обезглавливание? Прокрутите еще раз.

Они просмотрели запись еще раз, кадр за кадром. Люди двигались, быстро двигались. Вроде бы какого-то человека подвели к чему-то неясно видимому или к стене, а потом резким рывком его голова отделилась от туловища, когда человек рядом с ним взмахнул рукой. Изображение было слишком мутное, чтобы понять, каким оружием воспользовался второй – все было как в тумане и подрагивало, – но Бо видел, как голова отделилась от тела и полетела на землю: это, по крайней мере, было очевидно.

– Кажется, это обезглавливание, сэр.

– Вы видели, как голова отделилась от тела?

– Я думаю, что да, сэр. Трудно сказать наверняка.

Бо чувствовал, как колотится его сердце. Что, черт возьми, происходит? Кубинцы давно прославились своей склонностью к пыткам. Но обезглавливание... это больше походило на ИГИЛ. Может, это какой-то террористический союз прямо здесь, в двадцати милях от Штатов? Пожалуй, им следует провести серьезную видовую разведку со спутника, или как там это делается. Господь всемогущий, это может стать еще одним Кубинским ракетным кризисом.

Бо глубоко вздохнул:

– Вы можете каким-либо образом улучшить изображе-

ние?

– Я делаю все возможное, сэр.

Рама вызвал еще одного офицера. Изображение продолжало фокусироваться и расплываться, оно раскачивалось, приближалось и пропадало, но никаких улучшений не происходило. Дымка и движение воздуха под воздействием высокой температуры портили изображение. Необходимо было подойти ближе.

– Удвойте наблюдение, – приказал Бо. – Мне здесь немедленно нужна Атситти. И первый лейтенант Дарби.

Приказы были отданы.

– Мистер Рама, выключите систему автоматического перехвата и все транспондеры. Режим радиомолчания.

– Слушаюсь, сэр.

– Хорошо, а теперь нарисуйте их радаром высокого разрешения.

Пауза.

– Сэр, это может быть воспринято как провокация, – возразил старший помощник.

– Исполняйте приказ.

Радар высокого разрешения показывал всего лишь зеленую полосу берега, его картинка была хуже визуальной. Они находились все еще слишком далеко, и тепловые волны ухудшали сигнал. Мгновенной реакции не последовало.

На мостике появилась Атситти, четко отсалютовала капитану. Несколько секунд спустя появился Дарби, начальник

штаба Бо и его правая рука.

– Посмотрите-ка сюда, мистер Дарби.

Дарби подался вперед всей своей пухловатой фигурой и уставился на экран, на котором происходили активные действия.

– Что они делают? – спросил он.

– Это вы мне скажите.

– Там, похоже, большая толпа. Собрались в кучу. Двигаются. Заключение в оранжевом, охранники в темно-зеленом. Но изображение слишком нечеткое. Я с трудом могу различить отдельных людей.

– Это не может быть... площадкой для казней?

Дарби смотрел на экран:

– Может быть, сэр. А может, это бунт. Похоже, они дерутся.

– Мистер Петерман, – обратился к рулевому Бо, – руль десять градусов по левому борту, скорость прежняя.

– Сэр, наш радиус поворота приведет нас в чужие территориальные воды.

– Исполняйте приказ, мистер Петерман.

– Слушаюсь, сэр.

На мостике наступила тишина. Бо повернулся к старшему помощнику, который поедал его глазами. Командер одарил его ободряющей улыбкой:

– Не беспокойтесь, мистер Рама. Мы пощупали их радаром. Никакой реакции. Кто-то у них уснул за штурвалом.

Они даже ничего не заметят.

– Есть, сэр.

Штурвал на десять градусов обусловит поворот с двухмильным радиусом, и они окажутся в восьми милях от берега. Бо обратился к старшему специалисту:

– Миз Атситти, приготовьтесь к запуску дрона наблюдения, когда приближение будет максимальным. Мистер Петерман, продолжайте поворот на двести семьдесят градусов. Когда курс будет ноль-ноль-ноль, ускоряйтесь до сорока узлов и выходите из кубинских вод.

Снова потрясенное молчание.

– Я отдал вам приказ!

– Есть, сэр.

Бо почувствовал поворот корабля. Он понимал сомнения своего экипажа, но знал: у них нет его опыта. Случались ситуации, когда обычные процедуры становились неприменимы, когда приходилось принимать необычные, даже героические меры. На берегу перед тюрьмой происходило нечто ужасное, и по чистой случайности они оказались свидетелями. Возможно, это часть сложной военной стратегии, ранним компонентом которой были обрубки ног. Если так, то Вашингтон должен быть в курсе. Они не имеют права ждать картинки со спутника – на это могут уйти часы, а может быть, и дни. Он должен задокументировать это немедленно. Его корабль имел быстрый ход, чертовски быстрый, и если кубинцы бросятся за ним в погоню, то он уйдет практически

от любой кубинской военной посудины.

«Чикеринг» продолжал свой медленный поворот. Активность на берегу продолжалась, и Бо мог поклясться, что заметил еще одно обезглавливание, но уверенности не было: все произошло слишком быстро и в условиях плохой видимости. Но по мере их приближения к берегу картинка медленно, медленно становилась яснее. Когда корабль правым бортом принял положение, параллельное берегу, и продолжил поворачиваться, Бо сказал:

– Миз Атситти, запускайте дрон.

– Есть, сэр. – Она передала приказ и через мгновение произнесла: – Дрон запущен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.